

Вторая экспедиция (Гигатли, июль-август 1982)

30/VII

Поезд подали за 20 минут до отправления, видимо, на Курском вокзале это норма. За пять минут до поезда пришел Кибрик, вручил мне сумочку со сливочным маслом, кастрюлькой и еще чем-то. Показал две телеграммы от Сандро – они, т.е. основная партия, добрались до места только в среду, ночевали где-то по дороге. Погода там плохая, и машина, встречающая нас, может опоздать. Дороги при плохой погоде не всегда проходимы.

Подошла и Мира. Кибрик произнес последние напутствия и поезд тронулся. Для нас экспедиция началась.

Мы с Мирой едем на пять дней позже, чем основная группа. Кибрик тоже должен был уехать со всеми, но заболела Нинон [1], он задержался и летит завтра. Сегодня он нас провожает, а послезавтра будет встречать.

Экспедиция в этом году в Гигатли. Это Цумадинский район, райцентр – Агвали, в прошлом году мы его проезжали, когда ездили в Инхоквари и Гаквари. Агвали выше Ботлиха по Андийскому Койсу километров на 20–30. А прямо над Агвали, километрах в десяти, Гигатли. Там мы в прошлом году не были. В Гигатли диалект чамалинского языка, на других диалектах которого говорят в Тинди и Гаквари. Именно в Гаквари мы в прошлом году встретили Магомеда, хирурга из Москвы. Он был там со своим приятелем, женатым на Тamarочкиной родственнице. Магомед и посоветовал поехать в этом году в Гигатли. Место и язык вполне устраивали Кибрика и Сандро. К тому же они больше, чем на половину срока, едут опять добирать хвосты. На этот раз к цезам, в район Бежты и Тлядаля. Поездка туда через весь Дагестан, и я еду с ними.

Экспедиция в этом году почти в том же составе, что и в прошлом, только меньше. Нет Иры, Миши Селезнева и Анюты. И одно новое лицо – Нина Якубова, сокурсница Теньки и Туровского. Собственно, она только для меня – новое лицо. Она уже была в экспедиции в позапрошлом году.

Основную программу экспедиции предполагается закончить к 21 августа. После этого пять человек (Кибрик, Мира, Тенька, Туровский и я) собираются в поход – из Хварши (мы были там в прошлом году) в Алазанскую долину. В Хварши нас привезет машина, там мы переночуем и 22 августа утром полезем в гору. А остальные поедут в Тбилиси на машинах через Крестовый перевал, по Военно-Грузинской дороге. Остальные – это Сандро, Плунгян, Нина, Тamarочка и, конечно, шоферы с машинами. Тamarочка приедет 17/VIII на смену Кате, которая уезжает раньше.

Всеобщее движение в Грузию неслучайно. Предполагалась длительная вторая часть экспедиции – добирание хвостов в азербайджанском Дагестане, в нескольких (по крайней мере, трех) местах и, тем самым, поездка из Тбилиси на восток в Азербайджан и потом возвращение через Дербент и Махачкалу. Я вначале собирался ехать только в этот поход (через Кавказ) и потом по Азербайджану (на всю предполагаемую экспедицию – почти два месяца – у меня не хватало пороку и времени). Но потом Сандро уговорил меня, что к цезам ехать интереснее, чем в Азербайджан, и я переиграл.

А теперь вторая часть экспедиции сильно сворачивается. Из-за болезни Нинон Кибрик возвращается раньше, а так как во второй части работать должны были они только вдвоем с Сандро (у студентов работа кончается в Гигатли, дальше идут развлечения), то они сильно урезали свою программу, и видимо, заедут только в одно место в Азербайджане.

Таковы планы. Как они будут реализовываться – будет видно. Пока вот, судя по телеграммам Сандро, погода уже вмешалась, они не успели доехать, как предполагалось,

за день. Когда идут дожди, дороги преподносят сюрпризы – камнепады, оползни и т.д. (Как потом оказалось, дело было не только в погоде. Машины опоздали, приехали в Грозный через несколько часов после того, как пришел поезд с экспедицией. Выехали они после двух, по дороге покупали овощи в Аргуне и перед перевалом были около восьми. Естественно, что они решили заночевать внизу.)

В этом году у экспедиции две машины – два ЗИЛа. Они крытые, одна из них с закрывающейся дверью. Шоферы новые (для Кибрика) – Володя и Юра. Кибрик хотел звать Сашу, но что-то не сладилось, и тот уехал в другую экспедицию. Володе чуть за сорок, он уже 25 лет за рулем, но на экспедиционной базе он новичок. Речь у него своеобразная. Про Сандро – «он спокойный, как бульдозер». В рассказе о ком-то после попойки – «встает зеленый, как трешница». Скорее всего это штампы, а не экспромты, но из незнакомого слоя. А Юре лет двадцать пять (оказалось, двадцать семь), он на базе уже четыре года, но в горах еще никогда не был. Кабина Юриной машины вся обклеена картинками с голыми девицами. Но на самом почетном месте, конечно, портрет Иосифа Виссарионовича.

31/VII

Около двенадцати дня. Едем. Когда я покупал билеты, этот поезд – Москва–Тегеран – казался мне лучшим. Естественный предрассудок – все, что in this country связано с границей, лучше. Может быть, так оно и было. Но после Иранской революции в поезде такая же разруха, как и во всем Иране. Вагоны старые, грязь (в купе, когда мы вошли, куча пустых бутылок, на полках под матрацами ореховая скорлупа и т.д.). Пол голый – никаких дорожек. Расписания нет, проводников почти не видно. Но они успевают подсаживать дополнительных пассажиров, некоторое время в нашем купе едет пара таких пассажиров. Зато, слава Богу, радио не работает.

Ночь прошла спокойно, проснулся я в половине девятого, когда проводница разносила чай.

1/VIII

8 часов утра. По расписанию мы должны были бы приехать через час. Но, говорят, опаздываем на пять часов. Это плохо – будем в Грозном в районе двух, можем не успеть доехать за день до Гигатли, будем ночевать где-нибудь по дороге. Надо надеяться, что Кибрик прилетел и машина приехала.

Вчерашний день прошел без происшествий.

2/VIII.

Утро. 8.50. Сижу около машины. Она сломалась вчера на этом самом месте, не доехав до Ботлиха километров пять. Но по порядку. Вчерашний день.

Поезд наш опоздал на четыре часа, приехали около часу дня. Кибрик с Тенькой нас встретили, машина стояла за углом. Мы выехали почти сразу, в три часа были уже у подъема на перевал, в четыре – на перевале. В Ботлих решили ехать не через Анди, по знакомой дороге, а через Голубые озера. Кибрик там ездил уже и утверждал, что эта дорога на 30 км короче (оказалось, что по длине они почти не отличаются, но выбранная нами похуже, чем «столбовая», хотя, видимо, не лишенная каких-то преимуществ, многие шоферы ее предпочитают). На Голубых озерах (точнее – на большом озере) сделали привал, Мира, Тенька и я искупались, поели. Поехали дальше. Проехали мимо второго озера – оно ближе к Ботлиху. Это озеро поменьше и, видимо, больше заросло водорослями. На нем турбаза. Сразу после озера – перевальчик и видно Ботлих и всю

котловину. Панорама – чудо. Ботлих внизу, Богосский хребет – напротив. Виден серпантин дороги, по которой нам предстоит спускаться. Тенька начал подсчитывать, когда мы будем в Гигатли: сейчас около семи, в Агвали будем в восемь, в Гигатли – в девять... Но не говори «гоп» – мы уже почти спустились, и на очередном повороте что-то хрупнуло (или, как сказал Володя-шофер, – хрукнуло). Мы встали.

7 часов вечера. Володя и Юра начали снимать колесо и разбирать систему, на которой оно висит. Вначале выяснилось, что треснула обойма подшипника. Но было решено, что если собрать и прикрутить поплотнее – можем и доехать. А потом уже можно доставать новый подшипник. Собрали, попробовали ехать – колесо заклинивает, как и раньше. «Я же говорил, что кулак полетел», – сказал Володя. Но что делать. Уже темнеет. Придется здесь ночевать. Ставим палатку, готовим ужин. Подъезжает УАЗик. Шофер – Закари – «принимает участие». Ужинаем, возникает поллитра – видимо, у Закари была, у нас с собой ничего, явное упущение. Сидим до 11. Закари собирается уезжать, приглашает кого-нибудь ехать с ним. «А то утром не приеду»... Кибрик решает ехать, Закари обещает привезти его с самого утра. А Юра с Володей намерены встать в пять и начать разбирать колесо. «За час справимся», – естественный вечерний оптимизм после рюмки.

Укладываемся спать – мы с Тенькой в палатке на раскладушках, Мира – в кабине, Юра с Володей – в кузове.

Просыпаюсь в половине шестого. Все спят. Кибрика с Закари еще нет. Стучусь к ребятам в кузов, они подают голос, вроде бы встают. Иду умываться под водопадик, который мы с Тенькой обнаружили вчера. Он – как душ, довольно слабенький. Хоть и прохладно, но очень приятно – постоять под этим душем. И зубы почистить после более чем двух суток дороги (никогда не делаю этого в поезде – противно в той грязи и черт-те какой водой). Делаю зарядку. Подымаюсь к машине. Миры в кабине уже нет, а дверь в кузов еще заперта, шофера не встали. Стучу к ним. Вижу, что едет УАЗик с Закари и Кибриком. Володя с Юрой начинают разбирать колесо, а Закари уезжает, ему пора на работу, он и так потерял несколько часов. А нам флирт с ним тоже никаких плодов не принес.

Кибрик нервничает – время идет, ясности нет, видно, что Юра с Володей в машине разбираются отнюдь не досконально. Там в Гигатли нас ждут и волнуются. Завтра нужно было уже выезжать в поездку, сроки все размечены максимально плотно, а тут такое дело. И Юрина машина загорает без него в Гигатли, была бы здесь – при надобности можно было бы за запчастями в Ботлих сгонять.

Завтракаем. Ребята ковыряются в колесе, что-то у них не разбирается этот самый кулак, хотя уже и видно, что еще какой-то подшипник полетел. Подъезжает машина. Из турбазы – в Ботлих. Шофер дает советы – и действительно что-то разбирается дальше.

Кибрик решает ехать с этой машиной вместе с Мирой и Тенькой. А меня оставить с шоферами, ждать – авось справятся. А если нет, то с Юрой ехать в Гигатли, чтобы быть при машине и решать, что делать дальше.

И вот я сижу с ними. Сейчас около одиннадцати. Ребята уже выбросили сломанный подшипник и пытаются вставить целый. Что-то у них не клеится.

3/VIII. Утро, половина девятого. Уже в Гигатли, на месте. Но вначале – вчерашний день.

Володя с Юрой часов до двух возились со своим колесом. Дело шло медленно, они переругивались, почти все время с раздражением, но по сути дела беззлобно. В машине они не очень разбираются и слесарных талантов у них явно нет, хотя Юра и хвалился, что у него специальность автослесаря.

В конце концов они поставили колесо на место и стали крепить его гайками, но одна гайка не хотела закручиваться, а запасной у них не было.

К двум часам я сварил картошку, вскипятил чайник и предложил им пообедать. Они пошли мыться на ручей. Устали они здорово и были явно подавлены этой поломкой (до

нашего приезда у них тоже была серия поломок, но с ними они успешно справились).

Пообедали, они снова пошли возиться с колесом. Я только начал убирать «со стола», как подъехала машина с Кибриком, Тенькой и Мирой. Им не удалось сразу же уехать в Агвали. Тогда Кибрик пошел в райком и достал эту машину, на которой они приехали (на весь день – в наше распоряжение). Это ГАЗ, открытый грузовик. Ведет его мальчик лет девятнадцати, очень симпатичный. Конечно, Магомед, тут почти все Магомеды.

Магомед тут же присоединился к нашим шоферам и что-то дельное им посоветовал – что-то у них не так собрано. В результате выяснилось, что у них еще одна неприятность – сальник полетел и запасного нет.

Решено было ехать всем, кроме Володи, добраться до Гигатли, посадить Юру на машину и отправить его назад, к Володе – искать в Ботлихе нужные запасные части и заканчивать ремонт.

Поехали. В Ботлихе заехали в Сельхозтехнику, Кибрик поговорил с главным инженером, тот давал советы, где достать части (проблема, как всегда, в том, что таких машин, как у нас, здесь почти нет). Потом – в Гигатли через Агвали. Дорога по берегу Койсу, Магомед ведет машину хорошо и быстро – дорога хорошая. Мы в кузове (только Кибрик в кабине), стоим, держимся за ящики, болтаем. Какое-то возбуждение и авантюрный дух. Не пропадем. Приехали около семи вечера. Первый, кого увидели во дворе школы, – Сандро. Потом и остальные выскочили.

Разгрузка, взаимные расспросы. Юра сразу же заводит свою машину и дует в магазин, видимо, за водкой. Об этой водке они с Володией говорили с утра. Только они надеялись, что починятся, приедут и уж выпьют. Тем более, что здесь продают «столичную» с экспортной этикеткой. Но хоть и не починились, а выпить надо. Он вернулся, что-то пожевал. Магомеда тоже покормили и они поехали. Когда-то они теперь починятся и приедут.

На Сандро и Кибрика их поломки и способности чиниться произвели сильное впечатление, и они боятся ехать к цезам. Это ведь через весь Дагестан. И я боюсь, что мне центрального Дагестана и цезских мест не видать.

Вечером «имеет быть» праздничный ужин. Пока его готовят, поднимаюсь к небольшой рощице над школой. Потом с Тенькой идем за водой. Источник тут старый. Что-то вроде искусственной пещеры, в глубине большой бассейн с водой. Вода холодная и чистая.

Ужин. Жареная картошка и всевозможные салаты. Мукузани. Быстро выдуваем четыре бутылки. Кибрик произносит речи. Сандро поет сочиненную им песню про шоферов – они и на него произвели сильное впечатление. Вначале они были здорово шокированы горами и дорогами, тем более, что ехали они в дождь, а в Гигатли подъем не из легких, особенно когда мокро. Потом Сандро с трудом их выгнал встречать Кибрика, очень уж им не хотелось ехать. И тоже с большим трудом впихивал в машину всякие вещи – ящик с раскладушками, ящик под овощи, сундук с продуктами – ничего не хотели брать.

Итак – песня Сандро.

Шоферская

Послушай, Юра, духарит начальник,
Ему бы только по горам катать,
Да втихаря винища дунуть чайник,
А нам крути баранку, дрёна мать!

Комфарту, вишь, в дороге захотелось.
А за комфорт на лапу нужно дать.
Кастрюли, вишь, палатки да постели –
Вались на пол да едь, едрёна мать.

Кругом одни чичмеки-чебуреки
Кудахчут что-то, слова не понять.
Видал я эти горы, эти реки (в гробу)
Асфальта бы сюда, едрёна мать.

На свадьбу пригласили шоблу нашу –
А здесь водки много, нечего сказать.
Я мяса выжрал целую парашу,
А толку что, скажи, едрёна мать.

Товарищ Сталин был мужик отличный,
При нем стояла тишь и благодать.
Цену на водку проверял он лично
И бил жидов, как вшей, едрёна мать.

Бензину Кибрик нам привез три тонны,
Хоть тут и десять запросто загнать.
А мы все жрем пустые макароны –
Заботы нет об нас, едрёна мать.

Увидишь, (и)нтилегентская шалава,
Что нас руками голыми не взять.
У нас свое законнейшее право – верно, Юр?
Стоим и ни на метр, едрёна мать.

Публика требует от Сандро петь прошлогодние песни, что он и делает. Потом читаются сочиненные здесь лимерики. Потом, после замечания, что эти лимерики приличные (что с лимериками редко бывает), переходят на более частые неприличные, уже не местного сочинения.

Чай. К чаю варенье из абрикосов, тут сваренное. Чудное. И пироги – один с курагой, здесь испеченный, и другой, привезенный Мирой, – с кокосовым орехом. В общем, очередная иллюстрация к тому, что в экспедиции обычно жрать нечего.

С набитыми животами встаем и идем гулять. Ложиться спать в таком состоянии опасно. Сандро ведет нас – Кибрика, Миру и меня (молодежь осталась дома) по тропинке, под яркой луной и не очень яркими – из-за луны – звездами. Показывает ночные панорамы – Ботлих, дорога к нему из Анди (машина едет и светит), долина Койсу, вдали – Богосский хребет, только снега не видно, луна с той стороны. Здорово. Я бы еще погулял, но Кибрик все время хочет повернуть домой. Ему спать хочется, устал, мотаясь за день, а уже первый час.

Возвращаемся, ложимся спать. Перед ужином мы оборудовали себе, как и в прошлом году, «комнату для начальства» на троих. Сплю почему-то не очень крепко. Не холодно, а вечером все жаловались, что ночью мерзнут.

Просыпаюсь около семи, иду умываться на источник – Сандро показал другой, не основной, очень удобный для умывания. Погода чудная, солнце, небо чистое. Моюсь, делаю зарядку. Хочу пойти на почту, дать телеграмму. Кибрик просит подождать, он тоже пошлет телеграмму. Но пока он умылся, завтрак. Поэтому на почту уже после завтрака и перед чаем, он еще не вскипел. Идем с Мирой, она тоже посылает телеграмму. На почте сегодня работает телефон, и телеграммы передают по телефону. А когда они приехали, телефон не работал, и почтарь отвозил телеграммы в Агвали, что было не быстро. Заходим в магазин, по заказу Сандро покупаем ему мыло. Возвращаемся. Деревня своеобразная, отличается от Анди – по улочкам бродят кошки, куры. Кошек в Дагестане вижу первый раз. Пьем чай. Все уже закончили. Подходят информанты, начинается

работа. А я сажусь за свою тетрадь.

Добавление – еще одна песня Сандро.

Интеллигентская

Череда просветлений, ошибок,
Шелест бала и рев голытьбы,
Горечь песен и благодать улыбок –
Круговерть нашей долгой судьбы.

Небеса мы молили о смерти,
На дыбе разлагаясь в жаре.
Завещанье оставив в конверте,
Выходили в карре в декабре.

Родовые бросали именья,
Босиком уходили в народ,
Чтоб учиться труду и терпенью,
Чтоб готовить семнадцатый год.

Манифесты, платформы, программы –
Разливался речей кипяток.
Режиссерам космической драмы
Предстоял якобинский урок.

Мы спасались не раз от погони,
Оставляя друзей на снегу,
И топтали нас черные кони,
В нас врубаясь на полном скаку.

Семинары пройдя одиночек,
Задыхались в таежном дыму.
И во имя крестьян и рабочих
Удобряли собой Колыму.

Шли на смерть мы не ради наживы,
И сметал нас свинцовый поток.
Но мы живы, мы живы, мы живы!
С нами Бог, с нами Бог, с нами Бог!

Примечание

Сочинено в 1982 г. по дороге из Гигатли в Анди после спора, возникшего по поводу «Шоферской» – о народе и интеллигенции. В экспедиции не пелась ввиду излишней серьезности.

4/VIII

Вчера до обеда почти все работали с информантами. После обеда было что-то вроде семинара – Тенька и Володя Плулунгян делали доклад о структуре глагольных форм в этом диалекте. Я посидел немного, стал засыпать (желание спать на послеобеденных семинарах – что-то универсальное, не зависящее ни от географии, ни от обстановки, ни уж, конечно,

от самого доклада).

А около шести пошли на прогулку. Тут на горке есть развалины крепости. По рассказам, рядом с крепостью была когда-то деревня. Жители все время враждовали с грузинами. Часто делали туда набеги, воровали детей – чтобы потом получить выкуп. Те, естественно, тоже не оставались в долгу. И вот как-то после какого-то поражения грузин много молодых грузинских женщин пришло к крепости, попросили взять их – у них, мол, не осталось уже мужчин. Шел пир, победители перепились, ворота остались открытыми на ночь. И ночью из засады в крепость проникли грузины-мужчины и с помощью женщин перебили всех жителей деревни, мужчин, женщин и детей. И деревню, и крепость разрушили. И лес вокруг сожгли. В живых остались только те, кто был в это время далеко – в гостях или по делам. Когда они вернулись, то новую деревню построили уже ниже, там, где она теперь.

По дороге к крепости мы забрались на горку, которая над деревней. Вид – как его опишешь – на эту долину, на другую сторону, т.е. собственно Агвалинскую долину, где напротив – село Годери, а за горой уже Гаквари. А за нашей долиной виден просвет на Ботлих, обе дороги к нему с перевала, гора за Анди, куда мы ездили в прошлом году.

На вершине горы действительно развалины деревни, собственно, даже не развалины, а камни, кое-где – фундаменты проглядывают. Ниже – остаток башенной стены от крепости высотой метров в 7–10. Деревня лепилась от крепости до вершины. Где только они воду брали? А еще ниже, видимо, было кладбище. Там археологи копались, следы раскопов. Говорят, находили даже золотые статуэтки. Они теперь в музее, в Махачкале.

Погуляли хорошо. Вернулись к восьми. Машин, конечно, нет – где-то они теперь и как у них дела. И когда они приедут. Решаем, что если завтра они не проявятся, то послезавтра я поеду их искать. Цезский вариант уже отброшен, Кибрик боится, что они и здесь могут не все успеть – нужно проехаться по всем местам, где мы в прошлом году вояжировали – в Инхоквари, Гаквари, Тинди, Ахвах и в Анди.

А после ужина вчера песни пели. Тенька на гитаре играл, восседая на столе. Туровский с Ниной (они тут к некоторому беспокойству Кибрика образовали устойчивую пару) [2] слиняли часов в 10. Мы пошли спать в районе 11, а оставшаяся молодежь еще с часок шевелилась.

Ночью шел дождь. Утро солнечное, туман поднимается. Вначале облака еще были – сейчас уже почти разошлись. Тепло, но пока еще не жарко, как вчера. Народ уже расселся всюду в коридорах, по школьному двору, все пытаются своих информантов.

Около одиннадцати я услышал мотор. Вскочил – едут. Первым Юра, за ним Володя. Спрашиваем – как и что. Говорят, выкинули из передней оси все, что делает ее ведущей, обменяли на колесах осевые гайки и доехали. По дороге в Ботлихе что-то опять ломалось, они снова чинились и там ночевали. Утром подождали, пока подсохнет, и вот – здесь.

Когда суета с их приездом улеглась, Кибрик и Сандро поконферировали в моем присутствии. Окончательно решено, что к цезам ехать нельзя, никак не укладываемся. Поездки предстоят только ближние. А пока дня три им нужно поработать здесь.

5/VIII

Утро, после завтрака. Жизнь пошла по распорядку. Встаем в семь (это мы, а дети, как правило, после восьми), иногда чуть позже. Умывание, зарядка и иногда утренняя постирушка – у колодца. Без четверти девять – завтрак. В половине десятого – начало работы. Вчера, правда, чуть задержались, и информанты пришли, когда завтрак еще не кончился. И вот сегодня в половине десятого их еще нет.

О вчерашнем дне. После приезда шоферов для них была организована баня. В саду за школой между деревьями натянули веревку, на нее повесили полиэтилен – и баня готова.

После шоферов мы с Сандро и Кибриком тоже ею воспользовались, а девицы – после обеда.

А я после обеда отправился на прогулку – вниз, в долину Гигатлинки. Цель моя была – познакомиться с дорогой, ведущей в Годобери. Годобери – село по другую сторону от Гигатлинки, за горой. На противоположном очень крутом склоне просматривается тропа. Я хотел дойти по крайней мере до ее начала. Спустился от «главной» деревни вниз. Там большая плоская терраса. На ней поля – в основном картофельные. Гигатли – картофельная деревня. И кроме того, там несколько маленьких деревень или хуторов, спутников главной деревни. Этих спутников штук шесть или семь, но они наполовину покинуты, нового строительства там не ведется. Даже электричества там нет [3]. Эти деревеньки – вдоль долины. Большинство из них именно на этой террасе, их связывает дорога, они как бы нанизаны на нее.

Деревеньки стоят на краю террасы, дальше – спуск к Гигатлинке (или к более низкой террасе). Не зная, где спуститься, я прошел все эти деревни и еще дальше, вверх по долине (это у долины верх, дорога-то плавно спускалась, приближаясь к речке). Вижу – уже явно прошел лишнего, тропа шла где-то от деревни. Спустился с дороги прямо по склону. Великолепный луг, высоченная трава, масса цветов. Вышел на какую-то тропку и спустился к Гигатлинке. Это, собственно, и не речка, а маленький чистый ручеек. Тропа ведет к какому-то домику, видимо, временное летнее жилье. Я оказался сильно выше (по течению), чем тропа в Годобери. Спустился, наверное, больше, чем на километр. Вот и тропа. Поднялся по ней по «годоберинскому» склону метров на 50 и смотрю – пора уже возвращаться. На шесть часов назначена общая прогулка, нужно успеть вернуться.

Обратный путь короче – по тропе, ведущей в одну из деревенок и потом в Гигатли. Поднимался я чуть меньше часу. Хорошо пробежался. За два с лишним часа километров 8–10 с перепадом высот метров в 200–300.

Вернулся – тут работа уже кончается. Сборы на прогулку. Как всегда, когда много народу, довольно долгие. Пока все попишут... Наконец, идем. Даже шоферы с нами. Они уже слегка оклемались. Цель прогулки – какое-то болото выше деревни. Идем по основной дороге через деревню и дальше. Дорога ведет к перевальчику в конце долины и куда-то дальше, в Чечню.

По дороге опять со всех сторон картофельные поля. Сандро все обсуждает, сколько денег они (местные жители) зарабатывают на картошке. Спрашивает (у наших провожатых), сколько картошки дает среднее поле – мешков 20–30. Считает – продают картошку по рублю за килограмм и дороже. Итого – выходят уже тысячи. И только на картошке... Я советую ему бросить лингвистику и заняться реализацией продовольственной программы. Только, уверяю его, накладные расходы будут большие: платить шоферам – за доставку, милиционерам – налог, торговать на рынке.

Приходим к болоту. Действительно, на плоском месте – очередной террасе – болото с окнами воды. Нас пугали, что купаться тут нельзя – «дна нет». Но как-то и не тянет – в грязи и болоте.

Идем дальше по дороге. Вокруг – зеленая трава, невысокая. Пасется скот и – растут шампиньоны. Их не слишком много, но общими усилиями набираем сумочку. Главный сборщик и энтузиаст – Володя-шофер. Завтра будет либо суп, либо жареные шампиньоны.

Возвращаемся к ужину. Он, как обычно, длится долго. На этот раз – без песен, треп идет. В 11 – спать (молодежь, правда, опять до часу гуляет, но на этот раз гуляют в основном на кухне, грибы готовят, посуду моют).

А спится здесь хорошо. Только часам к четверем храп Кибрика начинает доходить до сознания, хотя подозреваю, что он храпит всю ночь без перерыва.

6/VIII. Сегодня встали чуть позже, ближе к восьми – сказался вчерашний спор. Он начался за ужином и продолжался – даже трудно сказать до какого времени. Сандро ушел около часу и лег, мы с Кибриком минут через двадцать тоже пошли спать, но в коридоре

застряли, подошли остальные, и мы еще прогалдели с полчаса. Когда же наконец дошли до комнаты, то оказалось, что наши крики разбудили Сандро и мы еще потрепались. Но все-таки довольно быстро уgomонились. А молодежь, оказывается, до трех часов не могла успокоиться. Впрочем и мы, умываясь утром на колодце, «продолжали разговор», но уже без особого запала.

О чем же спор? Как всегда, это почти невозможно отреферировать. Тем было несколько, перескакивали с одной на другую. Движущие мотивы спора, как мне кажется, всегда эмоциональны. Что-то в высказываниях или тезисах «противника» (того, кто им становится в споре) эмоционально задевает, неприемлемо, раздражает. И высказывается антитезис. Причем часто спорящие используют одни и те же слова, наполняя их разным содержанием. В нормальных ситуациях личных отношений, раздражений и антипатий обычно не примешивается. Вчера, вроде бы, так и было. Основные партии – Кибрик и Сандро с одной стороны, Катя и Плунгян с другой. Мира с Тенькой иногда вступают на стороне Кибрика, обычно слегка разжижая его тезисы. Я, воплощая идею о многосторонности истины, выступаю то на той, то на другой стороне.

О чем же спор? Вначале – чем стоит заниматься в лингвистике, что самое главное, передний фронт, где возможны прорывы. Кибрик и Сандро (и тут я с ними согласен) считают, что сейчас главное – семантика. Как человек членит мир и как он порождает^{*)} (или воспринимает) текст, этот мир описывающий. Но при этом Кибрик хочет уговорить и организовать всех заниматься этим и не тратить драгоценное время и энергию на «игру в бисер», вылизывая традиционными методами традиционные области, вроде морфологии и морфонологии. И именно семантика, взгляд с той стороны, может перестроить и углубить те же морфологию и морфонологию. Как художественно выразился Кибрик, традиционные штудии – это все равно что по одежде пытаться понять характер человека и его сущность. Не лучше ли сразу заниматься сущностью и, в частности, тем, как она проявляется в одежде.

Другая сторона – Плунгян и Катя – утверждают, что и в традиционных областях полно проблем и они тоже в самом начале своего развития. Катя еще явно чуть обижена за морфонологию и, главным образом, за Поливанову, которую она нежно любит, хотя явным образом Поливанову никто не поминал.

Как я уже сказал, я согласен с Кибриком и Сандро в главном, но не согласен с тем, что других нужно и можно ориентировать в их занятиях, убеждая словами и лозунгами заниматься тем, а не этим (хотя и лозунги в науке иногда нужны и полезны). Каждый сам для себя должен понимать и чувствовать, чем ему нужно заниматься. Уговоры тут скорее сбивают с толку. Да и сущность языка неотделима от его одежды и, интересуясь сущностью, вытягивать ее приходится, рассматривая одежды и копаясь в нижнем белье, т.к. хирургическое вмешательство и рентген не всегда возможны.

И вообще, как можно говорить, чем стоит и чем не стоит заниматься. Для меня главное событие в лингвистике за последние лет десять – это открытие Русской Разговорной Речи. Причем даже не столько теоретические работы, сколько сам сборник текстов. Они потрясают. Это особенно удивительно, потому что мы все время произносим и слышим такие тексты. И любопытно – работа начиналась явно не с семантической стороны (да и сейчас, наверное, главное ее направление – не семантика). И в то же время, какой это материал для изучения семантики! Основные конструкции обнажены, покров синтаксиса с них частично снят, все намного виднее. Если бы еще кто-нибудь детской речью так же занимался и издал сборник текстов детской речи. Я помню, какое впечатление на меня производила Максимова Настя [4], особенно когда только начинала говорить. Опять же, самые основные структуры очень ярко проявляются. И ведь занимаются детской речью, небось, давно, да как-то не так.

Еще одна тема спора – искусственный интеллект, хорошо это или плохо. Кибрику эта область нравится – он говорит, что именно «интеллектуалы» часто ставят перед

лингвистикой проблемы, которые почему-то лингвисты не ставят сами или обсуждают лишь в возвышенно-философском стиле – язык и сознание etc. Меня же эта область безумно раздражает – неряшливостью и размазанностью большинства работ, примитивностью инженерно-программистского подхода – сделаем, засунем в машину грубую модель – пусть крутится и слегка напоминает что-то, вместо того, чтобы понять, как это устроено. Или же «более высокий» уровень. Например, фреймы Минского. И сам он, и тысячи его адептов во всем мире фасцинированы самим словом и несколькими нечетко описанными примерами. А понятия-то нет. И даже если есть уже сотня формальных определений, они, как правило, тупы и бессмысленны. Наверное, меня это раздражает именно потому, что мое основное занятие – вытягивать форму из вещей, находить аппарат, адекватный сути дела. А тут непонятно, какую суть описывают, и совсем уж нет формы, про адекватность и говорить нечего. Конечно, нужно сказать, что я не слишком слежу за этой областью, и за последние годы там могло появиться что-нибудь интересное. Частные хорошие работы были и раньше.

И еще одна часть спора – о словах. Кибрик намеренно выстраивает эпатажирующий ряд – в науке нужна *цель*, нужно стремиться к *успеху*, добиваться *выгоды*. Если слова не нравятся – это ханжество. Наука – такая же деятельность, как выращивание картошки, только тут и успех, и выгода – это что-то совсем другое. Кибрик как бы сдвигает значения этих слов далеко в сторону. Но когда ему начинает подвлекать Мира, в ее аргументации они начинают возвращаться к своим исходным значениям. Поэтому в противовес этому эпатажу мне больше нравятся старые слова. В науке нужно быть чистым, искать истину и заниматься делом. *Цель творчества – самоотдача, А не шумиха, не успех...*

И я не согласен с тем, что наука – это «то же самое». Дело не в том, что заниматься наукой «благороднее» – тут действительно научный работник не лучше землелашца. Но в каком-то смысле наука все же более высокое занятие, чем выращивание картошки. Так же, как поэзия – выше науки. И, по крайней мере, наука не так устроена, как деятельность по изготовлению вещей. Конечно, наука – сложнейшая система. В чем-то ее структура и похожа на другие человеческие системы – и ритуальностью, и внешними мотивами – честолюбием, стремлением к карьере, популярности и т.д. Но внутренние мотивы и движущие силы в науке свои.

Пожалуй, хватит о споре, все равно всего не скажешь и точной картины не нарисуешь. Никакой истины в спорах не рождается, но может быть, поспорив много раз, люди начинают лучше понимать друг друга. А взаимопонимание – вещь чрезвычайно редкая. Я последние несколько лет все время твержу эту банальность.

Что еще вчера было. После обеда большинство продолжало трудиться. Я хотел пойти погулять и сумел подбить на это только Туровского и Миру. Тенька очень хотел пойти, но он и так потерял массу времени. Ездил нас встречать – два дня, потом дежурил – еще день. И долг победил – он остался работать.

Мы спустились к Гигатлинке по найденной мною вчера тропе минут за сорок и пошли вверх по ручью. Здорово. Водопадики, крутые склоны, иногда русло, промытое в монолите. Погода была и хорошая – облачность и не жарко, не то что накануне, когда солнце шпарило, и в то же время чуть тревожная – в любую минуту мог пойти дождь, и тогда пришлось бы спасаться, выбираясь по склону. Чтобы в сель не попасть или камнем не стукнуло. Но, слава Богу, только пугала погода, дождик начал было накрапывать и сразу же кончился (хотя в Гигатли прошел и нам заочно сочувствовали). Было несколько трудных мест. Один раз выбирались по крутому склону и нужно было по осыпающемуся месту буквально проползти под колючим кустарником. В другом месте поднимались по крутой и узкой ложбинке. Грунт – засохшая глина. Я лез первым. Впереди – ненадежный камень, который не обойти. Я решил его сбросить и увидел ниже место из глины (мягкой и мокрой), где он должен был бы застрять. Кинул, а он чуть выскользнул из руки, не попал на это место и прокатился в нескольких сантиметрах от ног Миры и Туровского. Я испугался уже постфактум, все произошло мгновенно. И еще один подъемчик был

довольно сложный.

А потом, уже уходя от ручья, лезли вверх по очень крутому травянистому склону. Такой же сочный луг в цветах, как и накануне, только уклон – градусов 35, ощущение, что лезешь на почти отвесный склон. Мира местами ползла на четвереньках.

Прогулка чудная. А уже в деревне у магазина увидели нашу машину – Юра с Володей приехали за водкой. До обеда они ходили за грибами в посадки, на горку. И вернулись поздно, когда мы уже сидели за столом. Принесли полную сумку маслят, очень крепких, с небольшой примесью шампиньонов.

Из предыдущих шампиньонов был как раз сварен суп. Мы долго пикировались с Кибриком – нужно ли туда класть перловку. Кибрик, конечно, победил. Суп, надо сказать, был вкусный, но причиной тому были в основном шампиньоны. А маслята вчера чистили весь вечер и, собственно, тот спор о науке начался не за ужином, а после, когда мы их дочищали и жарили (уже на сегодняшний обед).

А сегодня – сейчас уже первый час – все сидят за работой. Сандро кончает тонировать словарь, Кибрик набело его переписывает и вылавливает ошибки. Остальные работают с информантами или самостоятельно.

А завтра – выезжаем в Гаквари. Поездка продлится дней пять, заедем еще в Тинди и Инхоквари, а может быть, и в Хварши, на разведку перед походом.

Да, вчера нам еще яблок привезли, не меньше чем двадцать килограммов: сейчас все сидят и жуют. Девочки обещают и варенье сварить. В этом году по вареньям Нина главный специалист.

7/VIII

Гаквари, 17.15. Идет дождь. Только что пообедали. Сандро отправился к информанту домой, а Кибрик усаживается к столу. Мы приехали сюда на двух машинах часа два с половиной назад. Час ушел на то, чтобы встать на место – в Гаквари нет ровных мест. Чтобы развернуться, Володе пришлось проехать на самый верх деревни (Юре проще – у него машина меньше). А до этого нужно было долго ждать, пока разгрузят заблокировавший дорогу МАЗ, привезший прессованную солому из Махачкалы. Наконец, встали у школы, в которой мы останавливались в прошлом году. Только на этот раз мы в школе жить не будем, располагаемся в кузовах своих машин.

Я хотел прийти сюда пешком – по словам аборигенов, ходу из Гигатли часа четыре – подняться на гребень, спуститься в другую долину, подняться по ее противоположному склону, перевалить через гору и спуститься в Гаквари. Но увы, с утра низкие облака висели, в долине был туман, когда мы умывались у источника, на нас напоззло облако. После завтрака стали собирать машины в дорогу. И когда собрались – уже шел дождь. И по дождю идти пешком как-то не очень хотелось. Поехали. Внизу, в Агвали, дождя не было. Остановились, купили хлеба, слив, посетили книжный магазин и универмаг. Поехали в Гаквари и скоро были на месте.

Сандро вернулся. Тут сегодня масса событий. Во-первых, идут поминки, старушка умерла. Кроме того, должна быть свадьба. И вот уже после нас в село ехала машина с мебелью, что-то с ней случилось, и она завалилась. Тогда жених сел за руль какого-то самосвала (не его), в кузов село десятка полтора народу и он погнал вниз на выручку. Но по дороге у него отказали тормоза и он съехал с дороги, хорошо не в пропасть, а в какую-то яму, на несколько метров. Слава Богу, никто не погиб, но есть пострадавшие – переломы, ушибы. Сильнее всех пострадал дядя невесты. Что теперь со свадьбой – не загребли бы жениха, он ведь на чужой машине ехал. Сандровский информант убежал туда, на место происшествия, и Сандро где-то подцепил трех девиц, учительниц начальной школы, и привел их сюда. Они с Кибриком допрашивали их с час. Потом пришел посланный директором школы пожилой человек, воспитатель, и девицы тотчас ушли. Сейчас его терзают. Уже восьмой час, дождь кончился.

Вчерашний день. После обеда шли занятия, а в шесть почти все пошли на прогулку. На этот раз на ту часть гребня, которая выходит к Койсу на «мыс». Вид оттуда на Койсу и на ее противоположный берег. На мысу посадки сосны, соснам лет 10, сюда Юра с Володей уже ходили за маслятами. И мы собрали почти полную сумку маслят и немного шампиньонов, те попадались раньше, по дороге к соснам.

Народ требовал праздничного ужина. Праздник, потому что мы уезжаем, начинается свобода. Выпили по этому поводу две бутылки мукузани и съели торт, испеченный к случаю. На ужин явились отсутствующие весь день Юра и Володя, оба в большом порядке. Весь день они возили камень для дома – то ли сторожу, то ли родственнику директора. По этому поводу их напоили предыдущей ночью и сегодня после работы. С нами они поужинали, Юра быстро пошел спать, а Володя готов был сидеть долго и был очень активен, так что народ стал рассасываться. Он ушел, только когда оставшиеся последними мы с Сандро пошли спать. А молодежь снова приползла на кухню, и, засыпая, мы слышали, как они бурно веселились.

8/VIII

Около десяти утра. Сегодня я проснулся рано, шести еще не было. (Вдруг кончился стержень, весь его я исписал на этот дневник. Сколько еще стержней у меня уйдет? Стержень – как единица длины рукописи.) Продолжаю. Завтракали рано. Сварил я пшеничную кашу, истратил банку концентрированного молока. Другую открыли для кофе. Мы все время посмеивались, обсуждая скупость, с которой Катя (она в этом году завхоз) отпускала нам продукты. Молока она нам вначале дала две банки. Кибрик с боем вырвал еще три. Одну банку с конфитюром, из двух данных (а вначале Катя дала одну) мы уже съели. Сыр явно скоро кончится, подсолнечного масла может не хватить. А овощи я брал сам и Санька слышал, как Катя цокала и причитала, когда смотрела на оставшиеся помидоры. Такая милая девочка, но должность превратила ее в кулака. Да и воспитание кибриковское. Но хорошо, что колбасы она нам мало дала. Юра сказал утром, что ночью их машину посещал кот и возился в ящике с продуктами. Я глянул – колбасы нет. Консервы кот открывать, слава Богу, не умел, а сыр был в сундуке.

Еще до завтрака Сандро и Кибрик возились со своими бумагами и картотеками. После завтрака им нужны были информанты, а те не шли. Сандро несколько раз бегал к Шапи, вначале ему казалось, что там никого нет, было закрыто. Но оказалось, что там еще не встали. Вчера было это происшествие, и они поздно легли. А сегодня – воскресенье. Шапи – любимый Сандровский информант здесь. В прошлом году именно с ним Сандро вроде бы окончательно понял систему тонов в этом языке. Шапи – учитель математики здесь в школе. Молодой, очень приятный, мягкий человек и тонко чувствует язык. У него сейчас жена рожает в Агвали, будет третий ребенок. Поэтому на нем сейчас все хозяйство, и дети, и осел и т.д. Он вначале послал свою сестру, сам придет позже.

Я бегал на почту, встретил директора школы. Он извинялся, что до сих пор никто не пришел. Говорит – многие учителя уехали. А у тех, кто здесь – у одной муж в аварию попал, у кого-то родственница умерла. Послал за всеми, кто может, скоро придут. И действительно, сейчас, когда я пишу, кроме сестры Шапи, еще трое пришли. Двух женщин оставили, остальных попросили прийти позже. Работа идет.

А Юра и Володя в своем кузове лежат и читают что-то из того, что мы вчера накупили в Агвали. Володе нездоровится, видимо, у него давление поднялось. Горы, погода и недавний перепой спровоцировали.

Сегодня пасмурно и прохладно, но дождя пока нет. Над Тиндинской долиной, которая напротив, низко висят облака, она вся в голубовато-серой прозрачной дымке. А на горке рядом, на которую я в прошлом году лазил, то и дело застревают облака.

Вчера легли рано, в районе десяти. На этот раз мы живем в кузовах машин. Володя с Юрой в одном, мы – в другом. Санька спал на сундуке, мы с Сандро – на раскладушках (Юра тоже на сундуке, а Володя – на раскладушке). Днем раскладушки приходится убирать, чтобы было, где жить. Посреди машины стоит стол. Ящики – продуктовый и из-под раскладушек – в той машине. И сундук тоже на ночь туда перебрасываем. Жизнь, в общем-то, не очень удобная, особенно когда погода плохая. В кузове даже не встанешь в полный рост, а ходить и стоять согнувшись очень утомительно. Почему-то специально оборудованных для экспедиций машин не выпускают (хотя, наверное, тысячи машин ездят по стране с экспедициями). И эти-то крытые коробки делают кустарно на базах. А ведь можно было бы удобно оборудовать такие машины – постели откидывающиеся, ящики и полки разные, что-нибудь для воды, столик с газовой плитой (нам Володя сам сколотил, а вода у нас просто во фляге).

9/VIII

Вчера в середине дня начался дождь и шел до вечера, то чуть усиливаясь, то почти переставая. Поэтому сидели весь день в кузовах. Кибрик и Сандро работали, я переписывал прошлогодний дневник, а Юра с Володей валялись и читали. Дождь слегка портил настроение, сидеть весь день в машине не очень приятно.

Часов в шесть мы с Кибриком пошли в магазин, тут продаются большие заварочные чайники, хотели купить, но магазин почему-то все время закрыт. Тут, если кому чего нужно, идут прямо к продавцу домой и приводят его. Володя с Юрой тоже подошли, но они были нацелены на другой, продовольственный магазин, бутылку купить. Но и тот был закрыт. Сестра Шапи пошла к продавцу домой, вернулась и сказала, что «она куда-то ушла». Володя с Юрой ушли, а мы остались стоять напротив магазина – Санька докуривал. Потом и мы пошли. Нас догнали мальчишки – магазин открыли. Мы вернулись – оказалось, что открылся продовольственный. Кибрик решил купить спиртного. Мокро, и шоферов надо утешить. Взял бутылку водки и бутылку местного вермута. За ужином употребили.

Спать легли рано, до десяти. Но ночью я что-то проснулся и долго не спал. А утром проснулся около шести. Еще вечером начали проглядывать звезды. Утром видно кое-где голубое небо, туман всюду поднимается снизу.

После завтрака Сандро с Кибриком сели за работу, а я решил слазить в горку, по направлению к Годери. Эта горка недалеко от той, которую я покорял в прошлом году, но чуть повыше. Через полтора часа я добрался до перевальчика по дороге на Годери, оттуда до Годери минут десять ходу. На другой стороне долины видно Гигатлинскую крепость. Жалко, что я не пришел сюда из Гигатли пешком, прогулка не очень трудная, но приятная.

Полез на «вершину». Это, собственно, гребень, без ярко выраженной вершины, с рядом локальных максимумов. Я забрался на самый высокий. Выше, чем прошлогодняя горка, но вид хуже. Та же горка и заслоняет долину Койсу. Да и видимость сегодня хуже – туман прет снизу с двух сторон. Постоял, посидел, яблоко съел. Под гребнем, к Годери, сосновый лес, есть старые деревья, остатки естественного леса, а есть и посадки. Маслята попадают, но мало – очень высокая трава (и мокрая к тому же – я мигом промочил ноги насквозь, сейчас сушу носки и кеды). Но немного набрал. Они тут растут кучками, почти из одного корня штук по десять. И все чистые, крепкие. Жалко, мало. Да и некогда было искать, я по гребню больше часу шастал, пора домой.

Утром я неправильно понял Шапи, который объяснял мне дорогу, и пошел не по главной тропе, а по какой-то малохоженной, иногда просто так лез. А спустился уже по главной тропе минут за 45.

Я хотел сразу же варить грибной суп к обеду, но оказывается, что мы приглашены на обед к Омару, директору школы. Он нас в этом году усиленно опекает. Следит, чтобы

были информанты, то и дело заходит, иногда сам служит информантом (правда, на этот раз основная работа делается с Шапи, он проводит здесь массу времени, остальные информанты не так уж и нужны). Идем к Омару. Кибрик предупреждает, что мы пить не можем, работать еще сегодня нужно. Только вот шоферы. Приходим. Большой дом. Пахнет краской – идет ремонт, закрытая веранда, на которой нас усаживают, только что выкрашена. С нами за стол садится, конечно, только Омар, жена заходит, здороваются, иногда что-нибудь приносит, но в основном и носит все сам хозяин. Кормят чем-то вроде вареников. Начинка – творог с яйцами (или сыр с яйцом). Приправа – чесночный соус. Вкусно. Появляется и водка, одна бутылка, потом другая. Я только пригубливаю, Кибрик за все время выщеживает одну стопку, Сандро – половину. Зато Юра с Володей не отказываются. Вместе с хозяином они без труда одолевают эти бутылки. Приносят горячее кипяченое молоко, какой-то своеобразный чай с тмином, лепешки только что испеченные и свежий соленый сыр, что-то вроде брынзы. Посидели часа полтора, поблагодарили, пошли «домой». Сандро и Кибрику еще нужно много чего сделать, в основном уже самим, без информантов. Нужно все переписать, просмотреть, убедиться, что ничего не забыто.

Я чищу и жарю грибы. Ставлю чайник. Чай с тмином – любопытно, но нужно и нормального выпить. Особенно после чесночного соуса. Чай пьем втроем – Володя с Юрой несмотря на принятую дозу решили пойти за грибами. Я после чая сажусь за свою тетрадь. Сандро не может оторваться от Шапи, все что-то перепроверяет (у Шапи, кстати, сегодня дочка родилась, третий живой ребенок – близнецы-первенцы умерли во время родов). Кибрик сидит, обложенный кипами карточек и толстыми папками. Снова начинается дождь. Вскоре возвращаются Володя с Юрой, они таки добрались до лесочка, где мы с Сашей в прошлом году промышляли, и набрали полсумки грибов.

10/VIII

17.35. Что было вчера? Сандро с Кибриком работали до позднего вечера. Мы с Володей чистили грибы, я их жарил. Поужинали поздно и почти сразу легли спать. Небо к вечеру полностью расчистилось, луны не было, звезды во всей красе. Проснулись опять рано, до семи. Сандро с Кибриком сразу же, еще до завтрака, сели доделывать свои дела и к завтраку почти все кончили. После завтрака стали собираться, подошел Шапи, и Сандро задал ему последнюю серию вопросов.

Часов в десять уехали. Спустились в Койсу и разъехались. Мы с Юрой в Агвали за хлебом, а они – в Инхоквари. Мы купили хлеба, слив, сахару – варенья из слив сварить (выданный Катей конфитюр кончился утром). Поехали в Инхоквари и в районе часа были там. Юра дорогу воспринимал несколько нервно, все время ворчал. Но был очень горд, когда мы форсировали речку, приток Койсу, перед Инхоквари, ту самую, которую я в прошлом году промерял, прежде чем мы решились ее переехать. Володя тоже, как выяснилось, всю дорогу ругался – на дорогу. Но приехав, оба они успокоились, размякли. Тут сразу кто-то из местных жителей угостил их портвейном, и настроение поднялось.

Я сбегал на ручеек помыться. Кибрик с Сандро к нашему приезду были уже чистыми. Пообедали. Подошел Исмаил (они его искали, когда приехали, он был где-то по своим делам). Сейчас они сидят втроем и снимают свои вопросы.

Исмаил говорит, что он как-то прошел из Грузии, из Кварели до Хоноха (это рядом с Хварши) за полтора дня. Но шли они не через Кодорский перевал, а через Кидеро и до этого по хребту. Надо выяснить, где нам лучше идти. Тут еще стоят две туристических палатки – слет инструкторов. Сейчас здесь остались только две девушки, немощные, и врач. А остальные в походе, вернутся завтра. У них есть карта. Надо бы посмотреть.

11/VIII. 19.30. Остановились в Агвали, по дороге из Инхоквари. Сегодня будем «дома», в Гигатли. Раньше собирались заехать в Тинди, но решили не делать этого, а

ловить тиндинцев в Агвали. Поскольку с нами Исмаил (у него тут дела), то он и поставляет информантов. И вот в самом «центре» Агвали свернули с основной дороги, остановились на каком-то пяточке и Сандро уже сидит в кузове и пытается сразу трех человек. Кибрик тоже готовится сесть за дело. Я сходил за хлебом, а Юра с Володей куда-то исчезли. Как бы снова не надрались.

Что вчера? Сандро просидел с Исмаилом часа три и сделал свою работу. Кибрик тоже снял свои вопросы. А шоферы наши напились, как свиньи. Их угостили, когда мы приехали, а кроме того Юра, когда мы были в Агвали, купил три бутылки бормотухи, и вечером они были хороши. Пьяные они сразу начинают ругаться друг с другом. В результате Юра с нами не ужинал, обидевшись на Володю, и сидел с каким-то щенком, которого он в пьяной сентиментальности решил взять в Москву. Ночью щенок, которого он посадил в машину, сделал там свои дела, и утром мы обнаружили около кабины выдранные чехлы от сиденья, все в собачьем дерьме. Основная причина всех этих неприятностей – центр напряжения – конечно, Володя. Был бы Юра один, он приспособился бы к нам и вел бы себя как Саша в прошлом году. А так он примыкает к Володе. А тот создает напряженку. Дорог он боится (Юра тоже побаивается, он в первый раз в горах, но он постепенно приспособливается и, кроме того, он хороший шофер). А Володя психует и для самоутверждения, когда мы приедем, начинает хвастать, что он весь Кавказ объездил с кино (он раньше работал на базе Мосфильма и действительно много ездил – но только по асфальту), начинает дразнить Юру. В этой паре он рвется в лидеры, а у него не выходит. А как ехать – он мрачнеет и психует. И водитель он далеко не идеальный, нет у него уверенности. Машину свою плохо чувствует. Ломается она у него часто. И сейчас у него что-то трещит.

Ночью долго они буянили, а утром еще опохмелились остатками. Юра из-за этого щенка чуть не полез в драку с людьми из соседней палатки, с трудом его оттащили. Потом он залег спать. Машину вести он явно не мог. Володя чуть лучше держался на ногах.

А нам нужно было в Хварши, точнее даже в Хонох, хутор перед самой дорогой на перевал, чтобы разведать, как там и что. С нами ехал Исмаил – у него там знакомые, Хварши и Хонох входят в сельсовет, председателем которого он является. Кибрик посадил Володю за руль Юриной машины (она чуть поменьше и легко разворачивается), и мы поехали – все, кроме Сандро, который остался, чтобы проверить сделанную работу. Кибрик с Исмаилом сидели в кабине, Юра спал на сундуке, а я сидел у заднего борта. Володя ехал и нервничал, но Исмаил его успокаивал.

В Хонохе увидели тропу, вроде бы перевал нетрудный, особенно в эту сторону – не очень большой подъем и большой спуск в Дидойскую котловину. До следующей деревни 20 км, дойдем.

Перед обратной дорогой нас позвали в гости к какому-то Исмаилову знакомому. Идти не хочется, но «надо». Этот визит, собственно, затеял Исмаил, чтобы познакомить нас с хозяином, Калимуллой – когда приедем сюда, если не будет Исмаила, Калимулла поможет. Исмаил достает бутылку водки, Калимулла режет сыр, лепешку. Я не пил, к неудовольствию Кибрика, т.к. мою рюмку тотчас же подхватил Володя и тут же осушил.

Назад машину вел Юра, который проснулся, умылся и, вроде бы, оклемался. Приехали в Инхоквари, пообедали – Кибрик еще утром поджарил баклажаны, а я быстренько сварил борщ. Еще до обеда я сбежал к вернувшимся туристам. Нам подарили карту, подробную, километровку, но, к сожалению, она покрывает только северную часть нашего походного маршрута. На южную у меня есть та, дореволюционная, но она помельче и все-таки могла чуть устареть (горы, конечно, вряд ли сместились, но дороги, селения...). А в обмен туристы попросили 10 литров бензину. Кроме того, одну группу туристов мы подвезли до Тинди. Выехали мы после обеда, часа в четыре. По дороге заглянули и на источник, выпили местной воды. И вот – стоим в Агвали. Уже семь.

12/VIII. 10.30. Гигатли.

Вчера выехали из Агвали около восьми (шоферы были трезвы) и без особых приключений доехали до Гигатли, где-нибудь в районе девяти, уже темно было. Народ высыпал нас встречать. Разгрузились, сели ужинать. Вид у всех, как и в прошлом году, цветущий. Без нас им хорошо. По вечерам они тут развлекаются – играют в детские игры. Самая популярная – коробок, нам ее демонстрировали. Спичечный коробок – внешнюю часть – надевают на нос и потом «пересаживают» на нос соседа, без помощи рук, естественно. Тот – своему соседу и т.д.

Спать легли довольно поздно, в двенадцатом часу. Утро нормальное, по распорядку.

13/VIII

16.30. Ахвах, точнее – Тадмагитль. Это район Ахвахский, поэтому почему-то всегда говорим – едем в Ахвах. Приехали сюда часа два назад. Володина машина все время стучала, все сильнее и сильнее. Когда мы остановились, он полез под машину, какая-то штука была очень горячей, и они с Юрой ее разобрали. Оттуда вывалились куски разломанного подшипника. Стучала машина очень давно, еще в Гаквари. И Володя каждый день под нее лазил, но не мог понять, в чем дело. Вчера в Гигатли они даже подворачивали какие-то фланцы. Но хотя этот стук сильно действовал Володе на нервы, упорства особого – найти поломку – он не проявлял.

Мы хотели остановиться, как и в прошлом году, в саду. Но, к сожалению, дорога туда была завалена камнями, и нам пришлось искать другое место. Остановились у школы, тут далеко не так приятно. Но на одни сутки сойдет.

Пообедали. Сандро ушел к учительнице – информантке, а Кибрик сейчас пытается каких-то подошедших из любопытства парней. Ребята под машиной, что-то стучат.

Что вчера? До обеда шла нормальная работа. Юра с Володей сбегали в посадки за грибами и приволокли дикое количество маслят, чем очень испугали всех, особенно дежурных. Дело в том, что без нас тут тоже был поход за грибами, нашли очень много и потом до 12 ночи их обрабатывали. И ели их несколько дней, причем не у всех животы выдержали такого обилия грибов. Понятно, что энтузиазма не было. Но все-таки большую часть принесенных маслят почистили и посолили (горячим способом) – жареные грибы есть уже никто не хочет.

После обеда все (кроме дежурных, чистивших грибы) работали. А в пять часов поисковая партия – Мира, Туровский, Тенька и я – полезла в гору. Дело в том, что местные жители давно рассказывали, что от крепости идет подземный ход по направлению к Агвали, и ребятам не терпелось его найти и обследовать. Мне не так уж нужен был этот ход, но хотелось размяться и слазить в горку. И мы пошли. С полчаса бродили вокруг крепости и никакого хода (или пещеры, как аборигены говорят) не обнаружили. Я все время подначивал ребят, что это все легенды, и никакого хода не существует. В конце концов на помощь были призваны местные мальчишки, и они показали нам вход в эту пещеру. Оказалось, что это на самой вершине, мы искали совсем не там. Увы, вход был завален камнями, мальчишки, видимо, постарались. Тенька и Туровский с энтузиазмом стали вытаскивать камни, я им помогал. Камни тяжелые, некоторые мы вдвоем с трудом поднимали. С полтонны таких камней, а то и больше, вытащили – и вот открылся лаз. Тенька туда влез, за ним Туровский, а потом еще и несколько мальчишек. Но ход шел недалеко, дальше он, видимо, был тоже завален камнями, причем не ясно было, где продолжение. Мы с Мирой тоже по очереди туда слазили. Когда я вылезал, то обнаружил, что у самого верха качается очень большой камень. Разбирая завал, мы почему-то не заметили, что он качается, и когда спускались, то все на него наступали. Если бы он свалился, то и вход мог бы завалить и стукнуть хорошо. К счастью, этого не произошло.

Тенька и Туровский долго бы сидели внизу, искали бы путь дальше, но приближалась гроза. Туча шла со стороны Чечни, с нашей вершины было видно, что в конце долины, в паре километров от нас, льет как из ведра. Я крикнул ребятам об этом, они вылезли, и мы собрались было бежать с горы, но тут мальчишки показали вход в другую пещеру. Этот вход не был завален, и Туровский тут же нырнул туда. К счастью, и там не было пути дальше, он вылез, и мы помчались вниз. Наверное, минут за 10 мы скатились к школе (в нормальном темпе на это ушло минут 30–40). По дороге начало капать, но гроза куда-то свернула, и по крайней мере над школой (не знаю, как над вершиной) ливня не было.

Ужин и вечер прошли тихо, ни у кого почему-то не было желания веселиться. Мы начали собираться в дорогу. Катя опять была на стреме и контролировала количество каждого продукта, забираемого нами. Катя – кремень. А такая, казалось бы, мягкая девочка!

Мы с Сандро рано легли спать, а Кибрик долго сидел с Тенькой, они разбирались в материале, который Тенька насобирали.

Утром встали, наскоро позавтракали, дособирались – и в дорогу. Выехали до десяти. У Ботлиха Юра с Володей заправились, каждый налил себе по 200 литров бензину, к счастью, давали по столыку. А у них по одному пустому баку уже было. В первом часу были в Карате. Карата – очень приятное село. Это районный центр Ахвахского района. Агвали и Ботлих тоже райцентры, но они какие-то очень противные, каждый по-своему. Агвали – грязная дыра. А в Ботлихе противна вторгшаяся сюда «цивилизация» и «центральность». А в Карате – приятно. Село богатое, дома почти все новые, громадные, с шиферными или железными крышами. От старого, конечно, ничего не осталось (разве что дома из камня, а не из кирпича), но тут какой-то новый уровень – дома хорошо построены, вокруг очень чисто. Зашли на почту, дали телеграммы, отправили письма. Прошлись по магазинам, ничего интересного. Купили хлеба и сладостей на прощальный ужин – скоро Катя уезжает. Поехали в Ахвах, и вот – мы здесь. Шоферы после Инхоквари не пили. Я ехал с Володей, и видно было, что и он привыкает к горам – не очень ворчит. Правда, дорога, начиная от Агвали, была вполне приличная. Но у него так «хрукало» всю дорогу, что постепенно он выходил из себя и приехал на взводе. И только когда они нашли эту полонку, он разрядился. По крайней мере, ясно, в чем дело. Не ясно только, как исправлять. Очень уж много поломано, а запчастей почти нет.

Сегодня очень прохладно с самого утра. На окружающих нас вершинах сидят тучи, но дождя пока нет.

14/VIII. 9 утра. Ахвах. Утро опять пасмурное и прохладное. Сажу на улице во всех своих одеждах, в свитере и штормовке. Проснулись сегодня рано, в начале седьмого. Быстро позавтракали, Кибрик с Сандро сидят, проверяют и расписывают результаты своих вчерашних проверок. Володя и Юра под машиной.

Вчера Кибрик ушел к Хабибад – информантке, с которой работал Сандро, они проработали с ней до 8 вечера и вроде бы все кончили. А Володя с Юрой весь день возились под машиной. Вроде бы есть надежда уехать. У этой машины три ведущих моста, в прошлый раз сломался передний, и они его отключили, не имея возможности отремонтировать. Сейчас они с него сняли уже ненужные подшипники и шестеренки и используют их как запасные части для заднего моста. Вчера они работали как звери до полной темноты, даже в темноте фонарем светили. Кибрик по этому поводу – для поощрения и расслабления – купил к ужину бутылку водки. Они были очень довольны – «внедрить», как говорит Володя. Поужинали и легли спать около одиннадцати. Хорошо бы сегодня после обеда уехать. Кибрик-то с Сандро успеют все сделать, поэтому все зависит от машины. Посмотрим.

22.30. Ахвах. Не уехали отсюда. И не из-за машины. Сандро не успел все кончить к обеду. После обеда он долго сидел с Хабибад, после пяти она начала ерзать и скоро

сбежала, и он договорился, что придет к ней домой через некоторое время. Стало ясно, что мы остаемся.

Мы с Кибриком пошли погулять в горку. Сандро минут десять нас провожал и потом повернул, пошел к Хабибад. Мы хорошо погуляли, забрались довольно высоко на северный склон долины.

По дороге я попросил Кибрика рассказать о его *тезисах*, докладе в Эстонии в этом году, на конференции «Диалог». Это были тезисы, противопоставленные модели «Смысл – текст». Мне его позиция показалась вполне естественной и близкой.

Вернулись после восьми – Сандро еще нет. Он подошел около девяти. Он заново протонировал весь словарь, на этот раз – с сыном Хабибад, мальчиком лет 13. Мальчик очень понравился Сандро – у него очень хороший музыкальный слух, поэтому он хорошо чувствует тоны и вообще хорошо чувствует язык.

15/VIII.

11.30. Агвали. Вчера прервался на полуслове, было уже поздно, легли спать. Продолжаю.

После ужина Сандро с Кибриком стали вносить исправления в словарь. И тут Сандро сообразил, что внеся много исправлений, он просто попал в другой диалект. Хабибад не из самого Тадмагитля, а из деревни, которая где-то в трех километрах. Поэтому и она, и ее сын вполне могут говорить чуть не так, как говорят в Тадмагитле. Но что было делать? Теперь словарь будет протонирован в соответствии с этим диалектом.

А машину ребята починили вчера к обеду. Молодцы. Сегодня рано утром, наскоро позавтракав, мы уехали из Тадмагитля. Сандро по дороге еще раз забежал к Хабибад, чтобы уточнить пару слов. А до этого, опросив стоявших на дороге людей, он окончательно убедился, что диалекты Тадмагитля и деревни Хабибад отличаются.

Доехали до Агвали без особых приключений. Володя прислушивался все время к своей машине. Вроде бы она не «хрукала». Только сальник плохой, и масло капает.

В Агвали Сандро отправился в больницу, было известно, что там лежит тиндинец с сотрясением мозга. Когда мы здесь останавливались в последний раз, Сандро работал с его отцом. А Кибрик пошел на почту звонить в Москву. Я сидел на лавочке и ждал его. Вдруг вижу – идет Танечка^{*}). Их экспедиция проезжала через Агвали, они остановились, хотели купить хлеба, заметили нашу машину. Подошел к ним, поговорил с Лизой, поздоровался с ребятами. Они уехали в Ботлих.

В больнице Сандро тиндинца уже не застал, тот выписался. Нашли других в ближайшем дворе. Там и стоим. Кибрик и Сандро их пытаются. Обедать будем здесь; в Гигатли, видимо, приедем к ужину.

16/VIII. Около десяти утра. Гигатли.

Вчера часов в пять только Сандро оторвался от информантов-тиндинцев и тиндинского словаря. Кибрик освободился чуть раньше. Собрались было ехать, ребята изнемогали уже в этом дворе – никуда не денешься, жарко. Но тут Кибрик решил найти еще гакваринца. Нашли, и еще с час они с ним возились. В половине седьмого поехали, наконец, в Гигатли и минут через сорок были дома.

Публика где-то гуляла, только Нина – дежурная – была на посту. Разгрузились, помылись. Вернулся народ, поужинали. После ужина пошли погулять под звездами – небо чистое и ночь безлунная. Утром – на источник, умываться и стираться. Завтрак. Сейчас народ работает, кто с информантами, кто в одиночку.

17/VIII.

10.30. Стоим на дороге Агвали – Ботлих. Заглохла Юрина машина, Володя с Юрой

возьмется. Вроде бы что-то не слишком серьезное. Сегодня встали в шесть, быстро позавтракали, погрузились, сфотографировались всей экспедицией на школьном дворе и выехали.

Что вчера? После завтрака, когда все работали, я пошел на прогулку. Поднялся по знакомой дороге к крепости и потом пошел по хребту, вверх по долине. Дошел до водораздела, поднялся по годоберинскому склону к скальной стенке и потом вернулся уже по дороге домой. Часа за три с половиной я пробежал, наверное, километров 12–15, то вверх, то вниз. Хорошо погулял.

После обеда в основном занимались хозяйственными делами – собирали вещи в дорогу, готовились к вечернему пиру, прощанию с Катей.

Юру с Володей пригласили на свадьбу, и они пришли сильно нагружившись. Юра сразу ушел спать в машину, звал с собой Володю, но тот немного покуражился. Все очень боялись, что он пойдет на пир. Когда он сильно пьян, то общение с ним большого удовольствия не доставляет. А он жаждет общения. Слава Богу, он залег раньше.

Пир был какой-то немного тихий. Были тосты в честь Кати и ее «ответное выступление». Потом песни пели. Мы – Кибрик, Сандро и я – ушли спать около двенадцати, а остальные легли сильно позже – кто в два, кто в половине четвертого. Но встали – все, кому нужно – вовремя.

Едем мы, как всегда, на двух машинах, но на этот раз – это две партии. Кибрик с Сандро и Мирой едут в Анди – работать, Володина машина остается там, а на Юриной – мы с Катей – в Грозный. Катю нужно на поезд посадить, а до этого встретить в аэропорту Тamarочку. Володя тоже с нами – доставать сальники. Кроме того, им с Юрой нужно отметить командировки в Грозном.

13.50. Стоим на дороге, на знаменитых поворотах от Ботлиха до Анди. Володина машина сломалась. Мы на Юриной машине ехали впереди, проехали повороты, оглядываемся – Володи нет. Подождали минут пять – не едет. Едет другая машина – говорят – у ваших товарищей машина сломалась. Возвращаемся. Расстроенный Кибрик. Володя сказал, что такую поломку он никак исправить не может. Кибрик решает бросить Володю здесь, ехать всем на Юриной машине в Анди – нужно работать, затем в Грозный – встречать Тamarочку и провожать Катю. Срочно перераспределяем продукты – нужно Володе оставить что-то, примус наш оставляем ему – нам придется всухомятку.

Но в это время Володя вместе с Юрой и Сандро, включившимся в дело, снова смотрят машину и говорят, что вроде бы есть надежда скоро уехать. Обратный переделаж продуктов.

18/VIII. Половина седьмого утра. Вокзал в Грозном.

Начну со вчерашнего. Ремонт занял, наверное, минут 40, но починили. Ура, едем вместе. Но еще до выезда обедаем. Пока шел ремонт, Мира с Катей приготовили обед. Подъезжаем к Анди. Здесь все не так, как в Гигатли, гораздо более сурово. Леса нет, растительность скудная. Но – знакомо и по-своему красиво. Въезжаем в деревню, подъезжаем к школе. Сразу встречаем знакомых. Вот бабушка Лейлы, старушка, которая всегда угощала нас то стручками фасоли, то еще чем-нибудь. Вот подходит Супьян – главный информант. Мира выясняет, что тут и Гаджибек, информант, который успел уже погостить у нее в Москве.

Мы – Юра, Володя, Катя и я – почти сразу же уезжаем (на Юриной машине, Володина остается в Анди – будет им «домом»). Уже около трех, нужно торопиться. Едем. Знакомая дорога – перевал, спуск, потом путь «по плоскости»: Хорончай, Ведено, Шали. Где-то по дороге останавливаемся. Юра устал, нужно немного размяться. Опять же кустики... Едем дальше. Уже давно асфальт, машина мчится. Аргун. Еще раз останавливаемся. Покупаю дыню (и забываю взять сдачу с пятерки, а до этого пожадничал и не купил помидор по 2

р. кг). Юра с Володей заходят в магазин. Володя занимает у меня пятерку и покупает какую-то бутылку. Едем дальше. Грозный. В аэропорт приезжаем за несколько минут до срока. Вот и родной туалет, около которого мы двое суток торчали в прошлом году и потом еще пару раз рядом с ним останавливались. Аэропорт еще строится, все временное, как и в прошлом году. Но смотришь, в будущем году и откроется.

Достаем продуктовый ящик, примус. Не без труда разжигаем последний, и Катя варит гречневую кашу, а я бегу узнавать про Тamarочкин самолет. Говорят – по расписанию. Захожу в буфет, покупаю колбасу, беляши – ребята дико проголодались, утром они не завтракали, а наш «ремонтный» перекус был не слишком плотный.

Самолет еще не сел, возвращаюсь к машине. Ужинаем. Я наскоро жую и бегу снова встречать Тamarочку. Самолет садится, но прибывших еще не видеть. Ищу лавочку, чтобы сесть, нахожу ее где-то в стороне, сажусь и впадаю на несколько минут в какое-то оцепенение. Вдруг поднимаю голову – вижу, выходят пассажиры. Стремглав бросаюсь туда, ищу Тamarочку – не вижу. Прозевал. Толкаюсь несколько минут среди толпы. Потом смотрю на нашу машину – вижу, она уже там. Подхожу, здороваюсь, извиняюсь, что упустил.

Продолжаем ужин, пьем чай. Хорошо, но мало. Бидончик, служащий нам вместо чайника, маловат, а вторую порцию ставить не хочется, долго. Упаковываемся и едем в город. Почти все хотят звонить в Москву. Проезжаем переговорный пункт, заходим – говорят, автоматы не работают. Есть еще в центре на улице Ленина. Долго ездим по городу в поисках ул. Ленина. Юра очень не любит спрашивать дорогу и минут сорок крутит нас по темным улицам и немислимым тупикам. Я сижу в кузове (в кабине Катя с Тamarочкой) и злюсь на него – не может спросить. Но и сидя в кабине нелегко заставить его остановиться и спросить дорогу. А уж из кузова управлять им невозможно. Наконец подъезжаем к улице Ленина. Останавливаемся в переулке и решаем на переговорный пункт идти пешком, думая, что это близко. Тamarочка остается сторожить машину. Увы – не очень близко, больше километра. Подходим – его как раз закрывают, 10 часов вечера. Говорят – есть круглосуточный, тоже на Ленина, близко, «за туннелью». Идем. Действительно, хотя и не очень близко, но есть туннель – улица Ленина, главная улица города, ныряет под железнодорожную линию. Мы переходим линию по верху, воссоединяемся с улицей Ленина и долго ищем этот пункт. Наконец находим. Он открыт, но автоматы не работают. Возвращаемся к машине и Тamarочке, ждущим нас в переулке. Едем на вокзал. Встаем, не думая особенно, там же, где стояла машина, когда они с Кибриком наш поезд встречали. Времени до Катиного отъезда много, кипятим чай. Шоферы скрываются в кабине – им есть что выпить, кроме чая. После чая распределяем спальные места. Тamarочка в кабине, Юра – на сундуке, мы с Володей на раскладушках. А Катя чистит свой рюкзак. Половина первого. Выходим на перрон. Сидим там на лавочке. Подходит Катин поезд. Сажаем ее, прощаемся. Идем спать.

Лег – и понимаю, что хотя это место чуть лучше, чем то, рядом с аэродромной уборной, все же оно далеко не идеально для сна. Рядом железнодорожный почтамт, то и дело подъезжают грузовики за почтой (или с почтой), хлопает дверь. Поезда идут. Светит какой-то прожектор – почти в глаза. Но как-то спим.

Просыпаюсь рано, до шести. Встаю и иду умываться на перрон. Какие-то ларечки работают, покупаю вареные яйца на завтрак.

15.15. Анди.

Продолжаю про утро. Возвращаюсь к машине. Тamarочка встает. Бужу Володю с Юрой. Они медленно встают, особенно Юра. Потом надолго исчезают. Собранными людьми их не назовешь.

Разжигаю примус, разогреваю остаток вчерашней каши, кипячу чай. Завтракаем, упаковываемся. Уже девятый час. Открылась вокзальная почта. Идем вместе с Тamarочкой давать телеграммы (я – Лиде, день рождения). На почте посылки и

телеграммы принимает одна и та же женщина. Поэтому все не слишком быстро.

Наконец выезжаем. Едем в район аэропорта и не сразу, но находим какую-то автобазу. Тут Юра и Володя «проявляют себя». В Гигатли они говорили: «В Грозном достанем любые запчасти, командировки на любой автобазе отметим...» А тут они вдруг сразу же ушли в кусты. Юра вручает мне командировки, а Володя просит идти на базу и «действовать». Иду, нахожу директора, протягиваю ему сандровский мандат. Читает, спрашивает, что нужно. Говорю про сальники. Подводит нас с Володей к какому-то человеку и говорит: «Скажи Махмуду, если есть на складе – пусть даст». Оставляю Володю ждать Махмуда, догоняю директора и прошу отметить Юрину и Володину командировки. Тут он отказывает – и совершенно справедливо. «Вы же не к нам приехали». Что делать – едем в университет, отмечаю там их командировки. Наконец все дела сделаны. Можно ехать из этого ада – жара дикая, город весь перекопан (как и в прошлом году). Выезжаем, доезжаем до Аргуна. Заходим на рынок купить овощей и фруктов. Все дико дорого – персики 5 руб., помидоры 2 руб., арбузы 1 руб. за килограмм (видели арбуз, на котором была выцарапана цена 5 р. 90 к.). Что-то покупаем и едем дальше. Где-то у Ведено становится чуть прохладнее, а на перевале – совсем хорошо. Наконец – Анди. Слава Богу, будет хоть небольшой отдых, очень уж утомительны были эти полтора дня. Умываемся. Мира кормит всех обедом. Постепенно расслабляемся.

Сандро и Кибрику осталось работы часа на два – надо надеяться, что к вечеру вернемся в Гигатли. Да, Сандро встретил Тamarочку, минут пять они поговорили, и он уже снова проверял какие-то слова с Русланом (Лейлиным братом, мальчиком лет 12).

20/VIII. Около семи вечера. Гигатли.

Отстал от жизни. Продолжаю по порядку. В Анди после обеда мы с Тamarочкой и Мирой пошли в магазин (в прошлом году там был разный «дефицит» – дешевый вельвет, что-то из ситца). Но на этот раз он был не столь богат, впрочем, Мира что-то себе купила. После магазина Мира укатила на мотоцикле с каким-то своим местным кавалером, а мы с Тamarочкой вернулись к школе через старую часть Анди, мимо мечети.

Около семи выехали. Долгая и противная дорога. Приехали уже в темноте. Недалеко от Гигатли нас остановили – на обочине дороги шла попойка с участием директора школы. В Кибрика, а также в Юру и Володю, влили по дозе. Это заняло с полчаса. Наконец, доезжаем – и дома.

Приехав, получаю два письма. Посланные с интервалом в 8 дней, они пришли одновременно.

Поздний ужин с небольшой выпивкой – в честь приезда Тamarочки.

А на следующий день, 19/VIII, на раннее утро был назначен однодневный поход. Маршрут разрабатывали дети – Тенька, Туровский и Мира. Планировались – спуск к пасеке, подъем на противоположный склон по Годоберинской тропе, потом по гребню («вверх» по долине) и где-то там спуск к Кенхи (это дагестанское село в Чечне) и оттуда возвращение по тропе в Гигатли – около 17 км, вроде бы, в основном, уже вниз. В планировании маршрута они опирались на сведения, полученные у кого-то из аборигенов.

Мне с самого начала не нравились две вещи: во-первых, слишком длинный маршрут, расчетное время – дотемна, даже если выйти в семь, во-вторых, собиралась идти Нина, которая явно не была готова к такому сравнительно серьезному походу (Тamarочка, узнав о походе, тоже было захотела, но ее я сразу убедил, что для нее это слишком трудно). Но дети были полны энтузиазма, и мы с Кибриком как-то поддались их плану, что было несколько легкомысленно. Нужно было бы, конечно, самим поузнавать про маршрут, а то шли в полную неизвестность – без карты и достоверной информации. И нельзя детей винить в этом, самим надо было думать (думать, правда, было некогда, тем более – информацию собирать, 19-е было последним возможным днем для похода). И нужно было не ворчать кулуарно, как я это делал про Нину, а твердо сказать, что нельзя ей идти в

такой поход.

Утром вышли в 7.30, всего с тридцатиминутным опозданием. Вышли вшестером – мы с Кибриком, Туровский, Тенька, Мира и Нина. С собой взяли два небольших рюкзака – вещи и еда. И того, и другого было много (Кибрик даже запасные кроссовки взял, хлеба взяли слишком много – две буханки). А вот воды взяли только два литра, наполнив наполовину кибриковский «галлон», американскую посудину, что-то вроде толстого целлофанового пакета с завинчивающейся крышкой – ничего не весит и занимает ровно столько места, сколько в нем воды.

К пасеке спустились быстро, минут за 45. Стали подниматься по Годоберинской тропе, по довольно крутому склону. Поднялись без приключений, часа за два с половиной. Наверху – чудесно. Сосновый лес – естественный и старый, деревья хоть и низкорослые, но достаточно толстые. Трава довольно высокая (и не мокрая), полно костяники. Посидели, поглазели вокруг. С одной стороны – наша долина, с другой – Годоберинская.

Пошли вверх по гребню. И почти сразу стали двигаться не очень быстро – Кибрик и особенно Нина быстро уставали. Подошли к «подножию» (отсчет – от гребня) первой вершины в районе часа. Видно, что отстаем от графика. Стали обсуждать дальнейшие планы. Я предложил желающим налегке, без рюкзаков сбегать на вершину, а уставшим сделать за это время большой привал (рюкзаки довольно легкие и их всего два, но несли мы их по очереди втроем – Тенька, Туровский и я – а в гору и десятикилограммовый рюкзак хорошо ощущается). А потом вернуться по той же тропе. Хоть и не очень приятно возвращаться тем же путем, но ясно, что успеем. Мой оппортунистический план был отвергнут, решено было всем идти дальше. Полезли к вершине. На саму-то вершину мы влезли вчетвером – Кибрик и Нина «делали траверс». Было три часа. Погода вдруг начала портиться, надвигалась туча, пошел дождь. К счастью, он только попугал, чуть-чуть намочил нас и быстро кончился. Хотелось пить, а обещанные источники не проявлялись. Внизу, в поперечной долине, виднелось что-то вроде русла ручья. Была ли там вода, было неясно, но пить хотелось и всем слышалось журчание. Достали галлон, выпили по полкружки. Я пошел к «ручью». Увы, это было русло, но вода там бывала только после сильного дождя. Обидно было подниматься (я спустился метров на 100–150) – зря ходил.

После небольшого привала – пожевали сухофрукты – пошли дальше. Скоро стало ясно, что придется здорово подняться, намного выше предыдущей вершины – впереди маячил поперечный хребет.

В одном месте Теньке и Туровскому показалось, что есть спуск. Они полезли на разведку, но уперлись в пропасть и вернулись, слегка устав – лишние 150 м и зря. Я предложил еще один капитулянтский план – чуть возвратиться и спуститься в Годобери, а мне вернуться в Гигатли (той же тропой), а рано утром поехать на машине в Годобери. Но народ не захотел капитулировать. Преодолели и этот хребет.

21/VIII. 8.40 утра. Вчера прервали, позвали ужинать, а после ужина писать уже не хочется – тусклое здесь электричество. Продолжаю.

Завернули за горку – увы, то же самое, наш хребет продолжается и слева – пропасть, никакого спуска вниз нет. А дальше – еще один поперечный хребет, за ним глубокая долина, впечатление, что наш хребет кончается и можно будет наконец спуститься налево, к Кенхи. Мира побежала на разведку, она бегала в этот момент бодрее всех (Кибрик добродушно ворчал все время, что нужно на нее рюкзак повесить, а то столько энергии пропадает). Я пошел за ней, но свернул к краю гребня перед горкой, посмотрел, нет ли спуска, а она пошла вокруг. Мира стала огибать вершину справа, а я тоже пошел вперед, посмотреть, что видно с гребня перед вершиной. Увы, стало ясно, что и дальше картина не меняется, никакая долина гребень не рассекает, просто за вершиной он начинает снижаться. И скорее всего с левой стороны опять пропасть. Но влево видно плохо – как раз облако слева село за гребень.

Мира ушла куда-то далеко, и вдруг я увидел ее уже за горой, как она пытается спуститься, ищет дорогу вниз. Я стал ей орать, чтобы она возвращалась, она кричала что-то в ответ, но слов нельзя было разобрать. Прибежал Туровский, полез на вершину. Кибрик кричал мне, что они решили идти назад в Годобери и чтобы мы их догоняли. Мира не возвращалась, я пошел извлекать ее оттуда. Когда я обогнул горку и вышел к гребню, она уже поднималась. Увидев, как она ползет на четырех по осыпи, я испугался. Сейчас-то она уже выбиралась, но видно было, что ей пришлось туго, и она вымоталась. Я спустился к ней и мы вылезли. Туровский был тут же. Мы сели отдохнуть, пожевали сухофруктов, выпили по глотку воды. Побежали догонять Кибрика, Нину и Теньку и минут через сорок присоединились к ним.

Было уже семь часов. Можно было надеяться по крайней мере с горы спуститься засветло, а потом уже в темноте идти к деревне. Начали спускаться. Нина шла очень медленно, Туровский ее сопровождал, они отставали. Склон был крутой, трава мокрая, время от времени кто-то, поскользнувшись, падал. Долинка, по которой мы спускались, замыкалась внизу небольшим скальным кряжем, через который вода (которая скатывалась во время дождей – так-то ручья не было) промыла ущелье. В ущелье был загон для овец. Сейчас их не было, но земля была покрыта толстым слоем навозной жижи. Прошли ущелье и чуть ниже его увидели наконец воду. Источник – вода льется из трубы, корыта для скота.

Мы с Кибриком подошли первые. Выпили по несколько кружек, умылись. Потом подошли Тенька с Мирой и тоже бросились к воде – ведь все мы целый день почти ничего не пили. Почти совсем стемнело. Было слышно, что подходят Нина с Туровским. Мы с Кибриком почему-то думали, что деревня близко, в полукилометре, и решили пойти вперед, чтобы попроситься на ночлег, пока люди не лягут спать. Это была очередная ошибка. Пошли. Прошли километр, два – деревни все не было. Мы даже стали сомневаться, что дорога, по которой мы шли, идет именно в Годобери, а не куда-то вниз, к трассе Ботлих–Агвали. И мы казнились, что ушли одни, не дождавшись остальных, не дай Бог теперь растеряемся ночью. Впереди маячила деревня, но ее было плохо видно, она была ниже, за какими-то холмиками. Остановились, стали кричать, вроде бы нам отвечали. Посидели – в надежде, что дети нас нагонят. Снова стали кричать – ответа уже не было. Решили идти в деревню – а то вдруг дети пройдут мимо нас. Опять долго шли какими-то тропами, потом попали на дорогу, деревни все не было. Наконец, начались какие-то заборы. Дорога объединилась с ручьем и мы долго шли по грязи. Наконец – первый дом. Свет горит. Санька кричит: «Салям алейкум». В окнах появляются головы. Выходит хозяин. Здравуемся – Хадис, директор хозяйственного магазина. По-русски говорит плохо. Прежде всего выясняем, где мы. Все-таки Годобери. И то хорошо. Кибрик рассказывает Хадису нашу историю, тот понимает главное – мы с гор, там еще остались люди. Зовет в дом, выясняет подробности. Нас усаживают за стол – кипит чайник, на столе сыр, хлеб, тарелка со сливами и грушами. Все это замечательно. Но где наши дети? Кибрик хочет организовать поиски. Ясно, что Хадис этого сделать не может. Просим его проводить нас к директору школы. Он даже как-то обижен – он так гостеприимен. Но еще раз говорим ему, что там люди. Ведет нас к директору домой. Тот выслушивает нас, обещает все сделать. Сейчас сходят за шоферами, поедем, поищем. Он-то хорошо говорит по-русски; ему можно все объяснить – с какой стороны мы шли, как и что. Уже около одиннадцати. Нас, пока суть да дело, заводят в дом, снова поят чаем. И вот до того, как пришли шоферы, вваливаются наши дети. Они шли, по-видимому, нашей дорогой, тоже наткнулись на дом Хадиса, и его жена привела их сюда. Слава Богу, все в сборе.

Пьем чай, нас устраивают на ночь – мужчин внизу, девочек наверху. Постели, чистое белье, подушки колоссальных размеров. Спать укладываемся поздно, где-то в половине первого, если не в час. Бедные хозяева. Встаем в семь. Нужно звонить в Гигатли, сказать, где мы, пусть машина к нам едет. Директор идет звонить. Кибрик считает, что это лучше – он говорит по-аварски, а объясняться с гигатлинским почтарем непросто. Но связи нет –

Гигатли и Годобери в разных районах, прямая связь не всегда работает, а через Махачкалу можно только заказывать разговор, это долго. Скоро в Ботлих пойдет автобус и нас подбросят до трассы Ботлих – Агвали. Идем к этому автобусу. Он долго не уезжает. Рядом магазинчик. Заходим туда, покупаем арбузы, груши. Наконец, автобус отправляется, нас довозят до шоссе. До Агвали километров 15. Ждем попутную машину в Агвали. Что-то нет ничего, с час сидим у пустого шоссе. Наконец какие-то «Жигули». Четверо втискиваются в машину, а мы с Туровским остаемся. Некоторое время еще ждем машину, потом решаем идти пешком, очень уж нудно ждать. Проходим километров 6–7, нас догоняет рейсовый автобус, садимся в него и доезжаем до Агвали. Наши у поворота. Кибрик дозвонился до Сандро. Оказалось, что шоферы ушли за грибами, Сандро постарается их найти и пошлет Юру к нам. Спускаемся к Койсу,купаемся. Возвращаемся. Юра как раз приезжает. Морда у него не очень довольная. Сандро потом рассказал, что когда он нашел их в лесу, они долго матерились, и он заставил Юру ехать с большим скандалом.

Забираемся в Юрину машину. Там очень противно – он в наше отсутствие возил камни, все покрыто слоем пыли и грязи. Едем и сами покрываемся пылью.

Наконец дома. Обедаем – Тamarочка хозяйничает. Обсуждаем поход и сделанные ошибки. После обеда стираемся – после машины вся наша одежда в жутком виде. Все-таки Юрина машина – это что-то отвратительное. В кузове в ней ездить нельзя.

Слегка приведя себя в порядок, народ садится за работу. И после ужина все сидят, только мы с Сандро и с Тamarочкой идем погулять – Сандро днем наработался. Я иду спать в одиннадцать, Кибрик уже спит. А дети сидят, работают. Кто-то почти всю ночь сидел.

Сегодня проснулся в шесть – как будто какой-то внутренний будильник звонит, каждый день просыпаюсь в это время. Погода неважная, пасмурно, капает. И ночью капало. Что-то будет с нашим походом. Из-за этого позавчерашнего неудачного походика отъезд отложен на день. Это делает сроки более критичными. И не дай Бог погода вмешается.

Завтракаем. Приходят информантки. Их рвут на части. Тamarочка штопает сандровские джинсы. Я пишу – догоняю время.

Около 7 вечера. До обеда шла работа, только мы с Тamarочкой погуляли, я сводил ее к крепости. После обеда – упаковка, приготовление к походу, к отъезду. Ставили палатку, примерялись – поместится ли в нее пять человек. Если поставить низко, то помещаются. Все готово – а вот погода... Часов в пять пошел дождь. Если он и завтра будет идти, то наш поход погорел. И нам идти плохо, и машина может до Хоноха не дойти, либо там застрять. Ну, утро вечера мудренее.

22/VIII. 9 утра. Увы, и утром – тьмою здесь все занавешено. Дождя ночью вроде бы не было, но облачность низкая, туман ползет. Дорога размокла – сейчас и вниз не съехать. Решено еще на день все отложить. А там – возможны варианты, куда ехать – в Хонох или сразу в Тбилиси, через Грозный.

Вчера вечером – прощальный ужин. Последнее мукузани. Веселья как-то особого нет. Погода, испортившая все планы, действует и на настроение. Тенька с гитарой. Репертуар в основном окуджавский. Сидим довольно долго. Мы с Кибриком уходим около двенадцати. А долго ли молодежь гуляла – не знаю. Вряд ли они так рано уgomонились.

Около 8 вечера. Что сегодня? До обеда – кто доделывал свои дела, кто паковался, кто гулял. Кроме того, шла непрерывная ярмарка. Нам приносили старую медную посуду –

кувшины, что-то вроде ведер, блюда и т.д. Началось это утром и продолжалось почти до вечера. Вся деревня (в основном, конечно, дети), прослышав, что эти московские идиоты покупают старую, никуда не годную посуду, тащила ее нам. Приносили иногда и серебряные штучки, но не слишком много. Дети, приносившие все это, вначале заламывали цены – рублей по 20 за кувшин, а потом иногда готовы были продать и за трешку. Вначале мы не очень торговались, а потом, по крайней мере некоторые, особенно Туровский и Тенька, относились к этому, как к спорту. Накупили штуки по 3–4 каждый и после обеда, когда шла упаковка, один из больших ящиков был наполовину заполнен этой посудой, да и в другом ее было порядочно.

Итак, завтра уезжаем, куда-нибудь, но уезжаем. Погода вроде бы улучшилась, и сохраняются шансы на поход. Но если завтра будет дождь или не сможем доехать до Хоноха – мало ли что с дорогой – то в Грузию. Погуляем немного в Кахетии.

24/VIII. 8.20 утра. Стоим за Орджоникидзе, у въезда в Дарьяльское ущелье.

Поход наш не состоялся. «Формально» как бы из-за погоды. Она и в самом деле была не слишком устойчивой. Но все сложнее. Кибрик идти боялся. Он не был уверен, что находится в достаточно хорошей форме. И, кроме того, беспокоился, не застрянут ли машины где-нибудь в районе Хоноха – Инхоквари, там немного нужно, чтобы испортить дорогу. И машины, оказавшись в ловушке, не успеют к назначенному сроку в Грузию. Да и мы в походе могли бы застрять – мало ли что, та же погода. Вот и ждали погоды, откладывали до последнего момента решение – идти или не идти.

Ночью с 22 на 23 шел дождь, утром дождя не было и облачность была сравнительно высокая. Но Сандро (его, за его прогнозы, все называли Кассандро) предсказывал дождь. Мы утром доупаковывались, выехали в Агвали, и уже в Агвали было принято окончательное решение – всем ехать в Грузию. Кибрик сказал, что он в поход не пойдет. Но надо отдать ему должное – отказавшись идти сам, он предложил нам вчетвером идти без него (и подвезти нас все-таки до Хоноха). И тут Тенька с Мирой заявили, что без Кибрика не пойдут. В этот момент я тоже сплоховал. Мне очень хотелось пойти, поход был одной из основных целей для меня в этой экспедиции (другая цель – поездка к цезам – еще раньше сорвалась). Но я не был готов к такому обороту событий – отказ Миры и Теньки меня ошаршил, и я не стал их уговаривать.

Поехали. Ботлих. Перевал. На перевале у источника перекус. Потом спуск, небольшие остановки по дороге – купить хлеба, вина – и потом долгий перегон без остановок до этого места, где стоим сейчас. Приехали, наверное, около десяти, уже в полной темноте. Поужинали, выпили – и спать.

Подъем сегодня был в семь, хотели выехать рано, но сейчас уже половина десятого, а дежурные – Туровский с Ниной – все возятся, убирают после завтрака.

26/VIII. 5.50 дня. Греми. Только что осмотрели монастырь и пообедали. Но – по порядку.

Позавчера выехали со стоянки – и по Военно-Грузинской дороге. Вначале вверх, по Дарьяльскому ущелью. Остановка – у ручья, помыться, на стоянке не было воды. Потом Казбеги, Крестовый перевал. Спуск по долине Арагви. Очень приятная долина. С этой стороны перевала я не был. Первая остановка – Ананури. Тут уже был несколько лет назад, возили из Тбилиси. Крепость (отреставрированная, но не так противно, как Генуэзская в Судаке), церковь. Лезем наверх, на башню. Рядом – новый красивый мост, как-то неожиданно гармонирующий со всем остальным.

В Ананури к нам подсели два мальчика-музыканта из Москвы (просили подвезти их до Тбилиси) и развлекали девочек разговорами на иностранных языках. Мальчики приятные. В Мцхете они служили экскурсоводами. Они шатаются по Грузии и влюблены в нее.

В Тбилиси были уже поздно, часов в восемь. Добрались до Нининой бабушки. У нее однокомнатная квартира. Сама она на даче, и квартира в Нинином распоряжении. Но квартира не слишком велика, а нас много, к тому же к Нине прибывает ночью подруга из Москвы.

Сандро с Кибриком звонят каким-то своим знакомым. Те приезжают за ними и увозят. Мы – остальные – остаемся. Ужин, мытье, стирка. Дело осложняется тем, что на кухне сломан кран, и холодную воду то перекрывают, то открывают снова, стараясь при этом не залить кухню. Укладываемся спать по мере готовности. Я стираюсь позже всех и ложусь в половине второго. Спим – кто на балконе, кто на кухне, кто в комнате. Девочки на кроватях, остальные – на полу.

Утром объявлена свобода, шатаемся разрозненно по Тбилиси. Потом все встречаются обедать в хачапурной на Руставели. Тенька умудряется съесть три аджарских хачапури с яйцом, но и остальные не слишком отстают, по две штуки съедают. Раньше мне одной штуки хватало.

После обеда – сбор у Нины и отъезд в Кахетию, но уже в меньшем составе: Плунгян уезжает в Москву, Нина с Туровским остаются в Тбилиси, зато Нинина подруга Лена упростила Кибрика взять ее с собой. Едем на Телави, но не по главной дороге, через Цинандали – Гурджани, а через горы. Эта дорога почти в два раза короче, но явно не быстрее. И, конечно, несравненно приятнее. Останавливаемся у руин какой-то крепости, не доезжая Гомбори. Идем смотреть. Место – чудное. Холм, вид на долину речки. Едем дальше. Начинаются сумерки. Ночевать собираемся не доезжая Телави. Сандро с Кибриком садятся в кабину первой машины, чтобы выбрать место для ночлега. Но судьба решает за нас. Володина машина ломается. Та же поломка, что и на Ботлихских поворотах – тогда они на соплях починили и с тех пор не удосужились сделать как следует.

Останавливаемся на ночлег. Чуть не доехали до перевальчика на Телави. К счастью, место не самое худшее – не круто, где-то даже журчит вода.

19 часов, Чантлискури. Продолжаю.

Ставим палатку, ужинаем. Вдали сверкают молнии. Я на всякий случай окапываю палатку. После ужина костер. Тенька с гитарой – поет. Но начинает капать, мы бросаемся по своим спальным местам – кто в машину, кто – в палатку. Дождь идет несколько часов, иногда довольно сильно. К счастью, палатка не промокает.

Утром Юра с Володей чинят машину и около десяти уезжаем. Телави. Идем на рынок – довольно дорого все. Покупаем кое-какие овощи, хлеб. На рынке разьедаем банку домашнего мацони с грузинским хлебом, но не обычной – круглой – формы, а в виде очень длинного батона с острыми загнутыми концами. Очень вкусно.

Едем по экскурсиям. Вначале – в Греми. Там же и обедаем, как и всегда в дороге – без готовки. Колбаса, хлеб, помидоры, лук, арбуз. Только чай кипятим.

Потом Некреси – тут церковь аж IV века. Это на склоне. Поднимаемся пешком метров на двести. После Некреси едем в Чантлискури. Это дагестанское село – тут живут тлядалцы, бежтинцы и носители других цезских языков. Они-то и нужны Кибрику и Сандро, которые на несколько дней здесь останутся. А все остальные – Тенька, Мира, Лена, Тамарочка и я – уедут в Тбилиси 28-го утром.

27/VIII. 21 час. Чантлискури.

Итак, сюда мы приехали вчера к вечеру. Нашли завуча – Гаджи, подошли еще учителя – Али, преподаватель русского языка и Адала – физкультурник. Все молодые – лет по тридцать. Очень симпатичные. Предоставили школу в наше распоряжение. Школа – маленькая, одноэтажная. Вдоль всего здания – широкая терраса, с нее – входы в классы и другие помещения. Их всего – штук 5–6. На террасе мы и живем. На физкультурных

матах наши постели (женщины – на раскладушках в другом конце). Стол обеденный составлен из школьных столов. Только наше барахло в классах, да днем, когда на веранде солнце, Сандро с Кибриком занимаются с информантами в классах. Вчера вечером в нашу честь хозяева-учителя устраивают ужин у нас на веранде. Они принесли громадную бутылку вина, кувшин чаи, помидоры, сыр, etc. Просидели с ними вечер очень приятно. Только, увы, шоферы наши надрались опять. И за столом они говорили многовато – все о своей любви к дагестанцам (до сих пор дагестанцы были – чичмеки-чебуреки). Надрались они так, что завалились спать прямо на землю, рядом с машинами (хотя до этого их с большим трудом всунули в кузов).

Сегодня с утра Кибрик с Сандро начали работать. Тамарочка и Лена остались с ними – готовить обед и варить кизиловое варенье, а мы – Мира, Тенька и я – пошли на прогулку в сопровождении Адалы, учителя физкультуры.

Забрались на горку и пошли гребнем. Жарко и душно, это не Дагестан. Но идти очень интересно. Наша цель – озеро в горах, над Кварели. Точнее, не озеро, а водохранилище. По горам до него километров семь. Горы покрыты лесом. Масса кизила. И еще какой-то колючий кустарник цепляет за ноги, за одежду, за голову (это хуже всего – с трудом освобождаешься от него, вытягивая шипы из кожи). Адала идет с кинжалом. Делает каждому из нас палку-посох из кизила.

Привал. Адала угощает нас яблоками и орехами. Фундук такой крупный, какого я еще не видел. Снова идем. Проходим руины грузинской крепости. Наконец – озеро. Довольно большое, длина – с полкилометра, ширина – метров сто. Вода чистая. Почти нет народу. На заднем плане – Главный Кавказский хребет.

С наслаждением купаемся. Едим. У нас с собой только хлеб, колбаса, сухофрукты. Адала достает вареных цыплят, грузинский хлеб и бутылку чаи. От чаи мы отказываемся. Сам-то он вообще не пьет, взял для нас.

Адала – очень приятный человек. Скромный, с природным чувством такта. И без комплексов. Оказывается, основная его профессия – на чем он деньги делает – это шитье джинсов. Он достает «фирменный» материал (чаще всего в тбилисских универмагах, по цене 80 руб. за метр, вместо официальной – 20 руб.), достает также «фирменные» пуговицы, ярлыки. «Сырье» на пару джинсов обходится ему в 100 руб. Его отпускная цена – 160 руб. Сегодня ему дали заказ на две пары. Говорит, что за день можно сшить (он уже утром скроил, а брата оставил шить). А на зарплату – 100 руб. в месяц – разве проживешь? На два дня не хватит. Говорит, что и все другие учителя подрабатывают.

После обеда еще окунаемся. Собираемся и идем домой. Другой дорогой – по низу, через ореховую рощу, потом какой-то санаторий (целебный источник). Приходим в деревню. Адала заводит нас к себе домой. Угощает виноградом, инжиром. Ведет к речке, которая протекает через его участок. Окунаемся в нее. Благодарим – прекрасная была прогулка. Идем к себе в школу.

Дома чай с кизиловым вареньем, которое Тамарочка сварила. Поиски шоферов, которые куда-то исчезли. Сегодня они не ели ничего. Кибрик попросил Али найти их. Через час их приводят. Юра в более или менее приличном состоянии, а Володя – в дрезину. Где-то еще набрались. Кибрик говорит им, что пора бы прийти в себя, завтра – ехать в Тбилиси. Небольшой скандал – ехать, конечно, не хочется. Потом Володя свалился где-то за углом, а Юра даже поужинал с нами и улегся спать.

Грузинские дагестанцы

Деды их поселились тут, на северном берегу Алазани, уже давно, когда-то перевалив через Главный Кавказский хребет. Говорят – хорошо жили, еще до войны у многих были двухэтажные дома. Но в 1944 году, когда чеченцев выселили, решено было переселить их на чеченские места. Они, естественно, не хотели уходить, но их никто не спрашивал. А в 1956 году чеченцы вернулись, и дагестанцам нужно было опять искать себе место. Их

старые дома и земли были уже заняты грузинами. Были конфликты, войска вызывались. В результате они нашли себе места, где никто не жил. На месте этой деревни было болото, лес.

Они живут здесь в некоторой обособленности от грузин, общаясь больше с другими дагестанцами – недалеко от них есть еще две такие же дагестанские деревни. Поддерживают постоянные контакты со своими родными местами – Глядалом, Бежтой. Это недалеко – за горами, можно пешком дойти за пару дней, а то и за день. Но грузинская культура проникает к ним. Они выращивают виноград, делают вино (но большая часть из них не пьет). Тут почти все знают, кроме своего, еще по крайней мере три языка – русский, аварский и грузинский (два последних идут под маркой «родные»).

Я уже писал, что дагестанцы вообще (если можно говорить «вообще») – очень приятные люди. Они гостеприимны, дружелюбны по отношению к приезжим, всегда готовы помочь, затрачивая при этом значительно больше энергии и внимания, чем мы по своим московским внутренним нормам могли бы себе позволить. Но вторжение «цивилизации» дает себя знать и, как правило, не самым приятным образом. Отчетливо видно, как старая культура разрушается, а новой не возникает, какие-то эрзацы во всем. Мы-то чаще сталкивались с пьянством, с тем, что силой затаскивают в гости, пытаюсь накачать водкой, несмотря на уверения, что мы пить не хотим или не можем, что некогда и ждут дела. Иногда заметен некоторый комплекс по отношению к представителям этой самой цивилизации.

А вот у грузинских дагестанцев никаких неприятных влияний цивилизации нет, хотя они действительно «вполне современные» люди. Тут какое-то приятное слияние или влияние нескольких культур. Дагестанское дружелюбие и гостеприимство плюс грузинская независимость и чувство собственного достоинства без всяких признаков высокомерия и чванства. Во всяком случае, наши знакомые – Али, Гаджи и Адала – произвели на нас самое лучшее впечатление.

28/VIII. Последнее утро.

Вчера после ужина, дождавшись, когда Юра ушел спать (не дай Бог, напьется, а нам утром ехать), сели снова за стол – допить вино, посидеть в последний раз. Али подошел. Начали было петь, но что-то не клеится, грустно. Пошли спать – поздно, половина первого.

Сегодня проснулись рано. Упаковка. Сейчас будет завтрак и – отъезд. Сандро и Кибрик останутся тут еще дня на два, им еще предстоит поездка в Нидж, в Азербайджан. В Москве они будут только 4 сентября. А для меня и всех остальных – экспедиция окончена.

Примечания:

[1] А.И. Коваль, жена Кибрика.

[2] Пары довольно часто образуются в экспедициях – в самых разных – и это естественно. И так же естественно, что это обычно слегка беспокоит начальников этих экспедиций, особенно, если эти пары не скрывают, что они образовались. «Управление» коллективом усложняется, возможны напряжения, сложности и т.д. – народу немного, все долгое время находятся в «замкнутом» психологическом пространстве. И я слышал немало рассказов (о совсем других экспедициях), что жизнь часто становилась не слишком приятной, а иногда и работа срывалась. Но что делать начальнику – не запрещать же «парность». И приходится беспокоиться про себя (в смысле – не вслух). Надо сказать, что ни в этой экспедиции, ни в прошлой никаких сложностей не возникало.

[3] Оказалось, что в этих «деревеньках» вообще никто не жил круглый год. Они используются только как летнее жилье (то ли ближе к огородам, то ли часть скота там держится).

[4] Дочка моего друга, Максима Хомякова.

